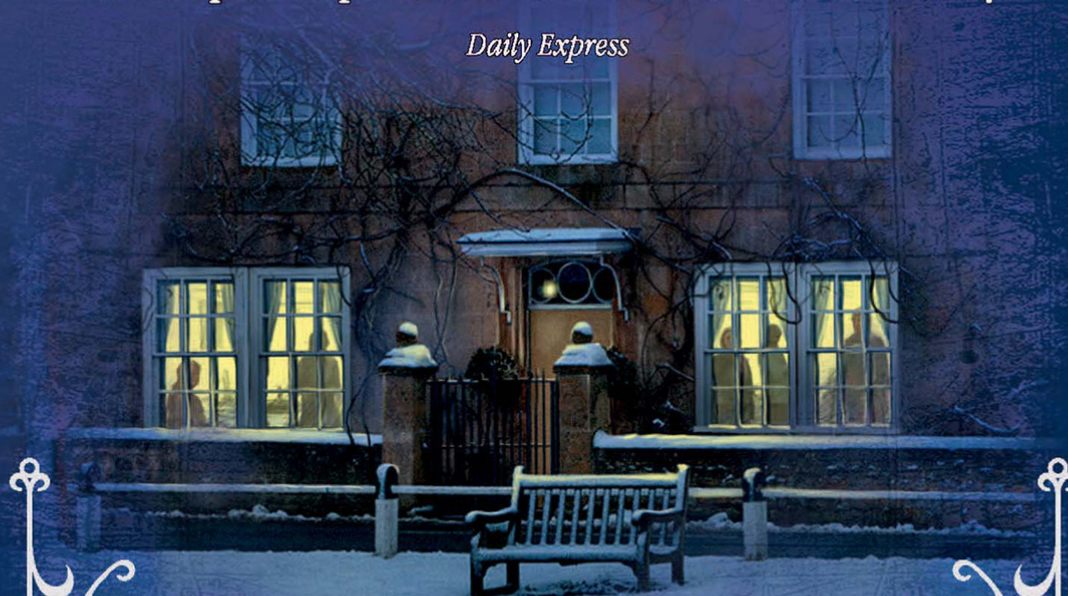

РОЗАМУНДА
ПИЛЧЕР

В КАНУН РОЖДЕСТВА

Гениальное умение создавать героев,
к которым привязываешься по-настоящему.

Daily Express

The Big Book

Розамунда Пилчер
В канун Рождества

«Азбука-Аттикус»

2000

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Пилчер Р.

В канун Рождества / Р. Пилчер — «Азбука-Аттикус»,
2000 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-15985-3

По воле случая перед Рождеством в старом провинциальном доме собирается пестрая компания – пятеро человек разного возраста, разных занятий и интересов. Один пережил тяжкую утрату, у другой разбито сердце, третий на грани развода... В общем, у каждого свои горести и печали. Но может, их развеет тепло горящего камина, аромат только что сваренного кофе и дальний рокот прибоя? Пять историй сплетаются в одну рождественскую сказку, тихую, как падающий снег за окном. Это волшебное время, канун Рождества, всем дарит обещание счастья, и само ожидание чуда становится лучшим рождественским подарком...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-15985-3

© Пилчер Р., 2000
© Азбука-Аттикус, 2000

Содержание

1. Элфрида	6
2. Сэм	45
3. Кэрри	62
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Розамунда Пилчер

В канун Рождества

Rosamunde Pilcher
Winter Solstice

© 2000 by Rosamunde Pilcher

© И. П. Архангельская (наследник), перевод, 2018

© М. П. Тугушева, перевод, 2018

© И. В. Шевченко, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

1. Элфрида

Прежде чем навсегда покинуть Лондон и уехать в деревню, Элфрида Фиппс посетила приют для собак в Баттерси и возвратилась оттуда с четвероногим компаньоном. Найти его было нелегко, это заняло душераздирающие полчаса, но как только она его увидела – он сидел в клетке у самой решетки и смотрел на Элфриду своими черными ласковыми глазами, – она поняла, что это тот, кто ей нужен. Элфрида не хотела большого зверя или какую-нибудь истеричную болонку. Пес был как раз подходящего размера. Нормальная собака.

Он был лохматый, густая мягкая шерсть падала на глаза, уши то вставали торчком, то опадали, а хвост увенчивала роскошная кисточка.

Окрас – коричневые и белые пятна вразброс, без какой-либо симметрии. Коричневые, в точности цвета какао с молоком. На вопрос о его породе служительница ответила, что, по ее мнению, это помесь сторожевого колли с бородатым колли. А может, с примесью и еще каких-то пород. Элфриду это не занимало. Ей понравилось выражение его морды – он был добрый.

Она пожертвовала приюту умеренную сумму, и новый приятель, сидя на заднем сиденье ее старенького автомобиля и с довольным видом поглядывая в окошко, уехал вместе с ней. Похоже, начало новой жизни ему нравилось.

Назавтра Элфрида отвела его к собачьему парикмахеру – стричься, мыться и сушиться. Он был возвращен ей пушистым, свежим, источающим приятный лимонный аромат. В ответ на такое изысканное внимание он как мог демонстрировал благодарность, преданность и обожание. Пес был скромненький, даже несколько робок, но и в храбрости ему нельзя было отказать. Едва раздавался звонок в дверь, как он сначала заливался оглушительным лаем, а затем прятался в свою корзину или прыгал на колени к Элфриде.

Имя ему она нашла не сразу, но в конце концов выбрала: Горацио. «Мой друг Горацио».

День был хмурый, унылый, ничем не примечательный. С деревьев слетали последние листья, дул холодный пронизывающий ветер – обычно такие ветра в октябре еще не дуют, – и даже самые ревностные садоводы предпочли остаться дома; улица была пуста, дети еще были в школе. По небу нескончаемой чередой неслись низкие облака. Элфрида шла быстрым шагом, за ней без особой охоты семенил Горацио, как видно понимая, что другой прогулки сегодня не будет и, следовательно, придется довольствоваться этой.

Сюда, в деревню Дибтон в Гемпшире, Элфрида приехала полтора года назад. Здесь для нее началась новая жизнь. Поначалу она чувствовала себя немного одиноко, но теперь и представить не могла, что поселилась бы в каком-то другом месте. Время от времени кто-нибудь из ее старых подруг по театру отважно пускался в путь, чтобы навестить ее. Спать гостье приходилось на старой бугристой кушетке в задней комнатке, которую Элфрида называла своей мастерской. Здесь стояла швейная машинка, на которой она шила диванные подушки для интерьерного салона на Слоун-стрит, зарабатывая себе на мелкие расходы.

Уезжая, подруги настойчиво допытывались: «Ты довольна, Элфрида? Не хочешь вернуться обратно в Лондон?» И она не кривила душой, успокаивая их: «Вполне довольна. Здесь мое стариковское убежище. Здесь я проведу сумерки жизни».

Теперь все тут было ей хорошо знакомо. Она знала, кто живет вот в этом доме или вон в том коттедже. Люди обращались к ней по имени: «Доброе утро, Элфрида» или «Славный сегодня денек, миссис Фиппс». Жизнь некоторых из ее соседей была прочно связана с Лондоном: каждое утро глава семейства спешил на скоростной поезд, а поздно вечером возвращался домой, в Дибтон. Другие прожили здесь всю свою жизнь – в маленьких кирпичных домах, принадлежавших когда-то их отцам, а еще раньше дедам. Были в Дибтоне и вовсе новички – рабочие из соседнего городка, недавно вселившиеся в новые муниципальные дома на окраине

деревни. В общем, ничего примечательного, обыкновенная деревушка. Как раз такая, в какой и хотелось поселиться Элфриде.

Она миновала пивную, подновленную и несколько модернизированную в духе времени – кованая железная вывеска, просторная автомобильная стоянка. Теперь пивная называлась «Дибтонский каретный двор». Затем Элфрида прошла мимо церкви, стоявшей в окружении тисов, мимо кладбищенских ворот и доски для объявлений, на которой трепетали на ветру листочки, извещавшие о приходских новостях: концерт гитариста, пикник для малышей с мамами. На церковном дворе служитель развел костер, в воздухе тянуло дымком от тлеющих листьев. Над головой кричали грачи. На одном из столбов калитки сидел кот, к счастью, Горацио его не заметил.

Улица сделала поворот, и в конце ее, за новым безликим одноэтажным домом священника, открылась деревенская лавка с развевающимися над ней рекламными флажками. У входа болтались без дела три паренька с велосипедами, почтальон вытряхивал содержимое почтового ящика в свой красный пикапчик.

Витрина была забрана решеткой – чтобы юные вандалы не смогли разбить стекло и украсть коробки печенья и аккуратно расставленные баночки консервированной фасоли. Миссис Дженнингс гордилась своей витриной. Элфрида поставила корзинку и привязала Горацио к решетке, чем явно его огорчила. Псу очень не нравилось, когда его оставляли на тротуаре на милость глумливых юнцов, но миссис Дженнингс не пускала собак в свои владения. Она говорила, что они грязные животные и все время задирают лапу.

Внутри было тепло и светло. Тихо жужжали холодильники и морозильники, ярко светили лампы дневного света, товары были разложены на стеллажах, на современный манер. Грандиозные преобразования были произведены несколько месяцев назад, и миссис Дженнингс утверждала, что теперь у нее мини-маркет. Из-за этих стеллажей трудно было сразу увидеть, кто еще пришел за покупками, и, только завернув за стенд с растворимым кофе и чаем, Элфрида увидела возле кассы знакомую спину.

Оскар Бланделл! Элфрида уже вышла из того возраста, когда вдруг радостно вздрагивает сердце, но Оскара ей всегда приятно было видеть. Он был едва ли не первым, с кем она познакомилась в Дибтоне. В воскресное утро она пошла в церковь, и, когда кончилась служба, викарий остановил ее на паперти – от свежего весеннего ветерка волосы у него стояли торчком и белая сутана развевалась, как простыня на веревке во дворе. Он сказал Элфриде несколько приветственных слов, намекнул насчет вступления в «Женский институт»¹ и участия в изготовлении искусственных цветов, но затем, слава богу, перевел разговор.

– А вот и наш органист, Оскар Бланделл, – сказал он. – Не постоянный органист, а палочка-выручалочка в трудные дни. И отличная палочка-выручалочка.

Элфрида повернулась и увидела, что из темного нутра церкви на залитую солнцем паперть выходит мужчина. Мягкое улыбающееся лицо, полуприкрытые веками глаза, седая шевелюра, которая, похоже, когда-то была просто светлой.

Он оказался того же роста, что и Элфрида. Обычно она возвышалась над мужчинами – под шесть футов и худая, как щепка, – но Оскару она смотрела глаза в глаза, и ей понравился его взгляд. По случаю воскресенья он был в твидовом костюме и при галстуке. Ей было приятно его рукопожатие.

– Как это здорово – играть на органе. Это ваше хобби?

– Нет, моя работа. Моя жизнь, – ответил он вполне серьезно, но тут же улыбнулся и тем самым смягчил некоторую высокопарность своих слов. – Это моя профессия, – пояснил он.

Прошло дня два, и в домике Элфриды раздался первый телефонный звонок.

¹ «Женский институт» – организация, объединяющая женщин, живущих в сельской местности.

– Здравствуйте, говорит Глория Бланделл. В воскресенье после службы вы познакомились с моим мужем. Он органист. Приходите-ка в четверг к нам на обед. Мы живем в Грейндже. Красный кирпичный дом с башенкой, в конце деревни.

– Мне очень приятно ваше приглашение. Приду с удовольствием.

– Как вам на новом месте?

– Обживаюсь понемногу.

– Отлично. Значит, в четверг увидимся. В семь тридцать – чуть раньше, чуть позже.

– Спасибо огромное, – сказала Элфрида, но на другом конце линии уже положили трубку. Судя по всему, миссис Бланделл не любила тратить время попусту.

Грейндж был самым большим домом в Дибтоне. Он стоял в стороне от дороги, в конце подъездной аллеи, которая начиналась от весьма претенциозных ворот. И сам дом, и ворота не очень-то сочетались с Оскаром Бланделлом, но будет интересно пойти к ним, познакомиться с его женой, посмотреть, как они живут. Людей не узнаешь по-настоящему, пока не помотришь на них в их собственном доме. Увидишь обстановку, книги, поймешь стиль их жизни.

Утром в четверг Элфрида вымыла голову и подновила цвет волос. Вообще-то, этот оттенок назывался «рыжеватая блондинка», но иногда был ближе к оранжевому. На этот раз именно таким он и получился, однако Элфриду волновала более важная проблема: что надеть? В конце концов она выбрала цветастую юбку по щиколотку и длинный трикотажный кардиган зеленого цвета. Сочетание рыжих волос, цветастой юбки и кардигана выглядело довольно экстравагантно, но это прибавляло ей уверенности в себе.

Элфрида двинулась в путь. Десятиминутная прогулка вдоль центральной улицы, и вот она уже прошла через претенциозные ворота и по подъездной аллее. Редкий для нее случай, но она явилась вовремя. Поскольку это был ее первый визит в этот дом, она не стала открывать парадную дверь сама, не вошла в дом и не крикнула «Эй!», как делала обычно. Она нажала кнопку звонка и услышала, как он зазвонил в глубине дома. Элфрида ждала, поглядывая по сторонам. Газон выглядел прекрасно, как будто его первый раз подстригли в этом году. Пахло свежескошенной травой и весенней прохладой.

Шаги... Дверь отворилась. Женщина в синем платье и цветном фартуке, явно не хозяйка дома.

– Добрый вечер. Если я не ошибаюсь, вы миссис Фиппс. Проходите, пожалуйста, миссис Бланделл сейчас будет, она поднялась причесаться.

– Я первая?

– Да, но как раз вовремя. Вот-вот подойдут и другие. Позвольте ваш жакет...

– Нет-нет, спасибо, я останусь в нем.

Не станешь же распространяться, что на шелковой блузке под жакетом дырка под мышкой.

– Гостиная...

Но их прервали.

– Вы Элфрида Фиппс! Простите, что не встретила вас...

Элфрида подняла голову. С огороженной балюстрадой площадки спускалась хозяйка дома – крупная дама, высокая и статная, в черных шелковых брюках и свободной, украшенной вышивкой китайской блузе. В руках у нее был стакан, наполовину полный. Похоже, виски с содовой.

– Я немного замешкалась, а тут еще телефонный звонок. Здравствуйте, – она протянула руку, – я – Глория Бланделл. Очень приятно, что вы пришли.

У Глории было открытое, румяное лицо, голубые глаза. Волосы, очевидно, подкрашены, но не в такой вызывающе яркий цвет, как у Элфриды.

– Спасибо за приглашение.

– Пойдемте к камину. Спасибо, миссис Масвелл. Надеюсь, остальные гости войдут без звонка. Вот сюда, миссис Фиппс...

Элфрида проследовала за хозяйкой в большую комнату в стиле тридцатых годов, обшитую панелями, с большим камином из красного кирпича, в котором ярко пылали поленья. Перед камином решетка, установленная на кожаном коврик, мебель современная – мягкие диваны и кресла с узорчатой обивкой. Шторы из темно-фиолетового бархата обшиты золотым шнуром, пол сплошь застелен толстыми яркими персидскими коврами. Ничего старого, потертого, поблекшего, все здесь дышало теплым веселым, бодрым комфортом.

– Вы уже давно здесь живете? – спросила Элфрида, стараясь не проявлять излишнего любопытства.

– Пять лет. Дом достался мне в наследство от моего дядюшки. Я всегда обожала это место, ребенком часто приезжала сюда. – Миссис Бланделл со стуком поставила стакан на ближайший столик и подошла к камину, чтобы подбросить туда еще одно большое полено. – Не представляете, в каком он был состоянии! Ковры истерты, побиты молью. Пришлось буквально все обновить. И конечно же, оборудовать новую кухню и добавить две новые ванные комнаты.

– А где вы жили раньше?

– В Лондоне. У меня был дом в Элм-Парк-Гарденс. – Миссис Бланделл взяла свой стакан, отпила глоток и снова поставила стакан на столик. Она улыбнулась: – Для поднятия настроения. Когда у нас гости, я всегда делаю глоток-другой, пока одеваюсь. Что вам налить? Хереса? Или джина с тоником? Да, Элм-Парк-Гарденс – прекрасное место, изумительно красивое. И церковь Святого Биддульфа, где Оскар был органистом, в десяти минутах ходу. Думаю, мы там и остались бы до конца жизни, но мой дядя, старый холостяк, как говорится, отправился к праотцам – так у меня появился Грейндж. И у нас уже была Франческа, наша дочь. Сейчас ей одиннадцать. Я всегда считала, что ребенку лучше расти в деревне... Что там делает Оскар? Это он должен наливать нам. Видно, зачитался и забыл про все на свете. Придут гости – знакомиться с вами. Чета Макгири. Он работает в Сити. И еще – Джоан и Томми Миллс. Томми – консультант в нашей больнице в Педбери. Прошу прощения, вы сказали херес или джин с тоником?

– Джин с тоником, – ответила Элфрида и проследила взглядом, как Глория Бланделл подошла к заставленному графинами столу в дальнем конце комнаты.

Глория щедро плеснула виски себе в стакан.

– Это вам. – Она передала бокал Элфриде. – Надеюсь, достаточно крепко. Вы любите со льдом? А теперь давайте-ка сядем. Устраивайтесь поудобнее и расскажите мне о вашем коттедже.

– Ну... он маленький.

Глория рассмеялась:

– На Пултонс-роу, как я слышала? Их строили для железнодорожников. Очень тесный?

– Да нет, на самом деле нет. Мебели у меня почти никакой, а мы с Горацио много места не занимаем. Горацио – это мой пес. Метис. Не красавец.

– А у меня два китайских мопса, вот они-то уж точно красавцы, да только кусают гостей и потому в данный момент заперты на кухне, сидят там в компании с миссис Масвелл. Но каким это образом вы попали в Дибтон?

– Увидела объявление в «Санди таймс». И фото. Мне коттедж показался очень милым. И недорогой.

– Я непременно должна прийти посмотреть. Давно не была внутри такого домика – с тех пор как навещала вдову станционного служителя. А чем занимаетесь?

– Простите, не поняла?

– Возделываете сад? Играете в гольф? Совершаете благочестивые дела?

Элфрида чуточку помедлила с ответом. Перед ней была сильная женщина, таких она угадывала сразу.

– Пытаюсь привести в порядок сад, но пока что дело ограничивается расчисткой.

– Увлекаетесь конным спортом?

– Никогда в жизни не садилась на лошадь.

– Откровенный ответ! Я увлекалась, пока мои сыновья были мальчишками, но это было так давно. У Франчески есть маленький пони, только, боюсь, она не очень-то им занимается.

– Так, значит, у вас есть и сыновья?

– О да. Уже взрослые, и оба женаты.

– Вот как...

– Я уже была замужем. Оскар – мой второй муж.

– Извините. Я не поняла.

– Не извиняйтесь, все в порядке. Мой сын Джайлз работает в Бристоле, а Кроуфорд – в Сити. Компьютеры или что-то там еще – я в этом мало разбираюсь. Конечно же, Оскара мы знали много лет. Наша церковь – на Рэли-сквер, церковь Святого Биддульфа. На похоронах моего мужа Оскар играл просто божественно. Вы не представляете, как все были удивлены, когда мы с ним поженились! «Он же закоренелый холостяк, – говорили мне, – ты отдаешь себе отчет, какую взваливаешь на себя обузу?»

Элфрида была заинтригована.

– Оскар всегда был музыкантом? – спросила она.

– Всю жизнь. Учился пению в Вестминстерском аббатстве, потом стал преподавать музыку в Гластонберийском колледже, несколько лет был там хормейстером и органистом. Потом переехал в Лондон и поступил на место органиста в церкви Святого Биддульфа. Наверное, так там и служил бы, пока его не вынесли бы вперед ногами, но тут умер мой дядюшка, и судьба распорядилась иначе.

Элфрида немного огорчилась за Оскара.

– А он был не против отъезда из Лондона?

– Очень даже против. Как будто вырывали с корнями старое дерево. Но ради Франчески делал вид, что все прекрасно. А здесь у него есть своя комната, там все его книги и партитуры, он немного преподает – просто чтобы не терять форму. Музыка – это его жизнь. Он всегда радуется, когда его просят поиграть на заутрене в дибтонской церкви. И конечно же, он нередко играет там тайком, чтобы попрактиковаться.

Дверь за спиной Глории тихонько отворилась. Она заметила, что Элфрида отвлеклась, повернулась в кресле и бросила взгляд через плечо.

– А, вот и ты, старина. Мы как раз говорим о тебе.

Тут нагрянули другие гости, все сразу. Они сами отворяли парадную дверь, и дом наполнился их голосами. Бланделлы вышли навстречу гостям, и на минуту-другую Элфрида осталась в гостиной одна. Вот бы улизнуть сейчас домой, подумала она, провести вечер в одиночестве, поразмыслить над тем, что сейчас узнала. Но, конечно же, это невозможно. Она еще не успела отогнать от себя крамольную мысль, как хозяева уже вернулись. Гости двинулись в столовую, и обед начался.

Это был обед по всем правилам: обильный, с соблюдением традиций, с отличными кушаньями и превосходным вином. Начали с копченого лосося, за ним последовало замечательно приготовленное седло барашка, потом подали три пудинга, густые сливки и стилтон² с голубыми прожилками. За портвейном Элфрида не без удивления заметила, что дамы не покинули

² Стилтон – сорт сыра, белого или с голубой плесенью.

столовую, а остались с мужчинами. Сама она выпила два бокала воды, однако другие дамы с удовольствием пили портвейн.

Хозяйка, похоже, несколько перебрала спиртного. Как бы она не шлепнулась, когда придет время подниматься, забеспокоилась Элфрида, но напрасно. Когда миссис Масвелл, заглянув в дверь, объявила, что в гостиной подан кофе, Глория твердым шагом повела гостей через холл в гостиную.

Гости расселись в кружок перед камином, Элфрида взяла с подноса чашечку кофе. Шторы не были задернуты, и в окне сияло сапфирово-синее небо. Весь день погода менялась: то припускал дождь, то ярко светило солнце, но пока все сидели за столом, облака рассеялись и в небе над дальним буком зажглась первая звезда. Элфрида с чашкой в руках присела на кушетку у окна и стала смотреть на звезды. Вскоре к ней присоединился Оскар.

– Как вы? – спросил он.

Элфрида повернулась к нему. Он был так занят во время обеда: наливал вино, собирал тарелки, раздавал восхитительный пудинг, что она не перекинулась с ним и двумя словами.

– Отлично. Очень приятный вечер. Ваши нарциссы скоро распустятся.

– Вы любите сад?

– Люблю, хотя и не очень опытна в этом деле. Но ваш так и манит в нем прогуляться.

– Хотите посмотреть все поближе? Еще не очень стемнело.

Элфрида оглянулась. Гости удобно расположились у огня, и разговор не умолкал ни на минуту.

– Да, хочу, но не сочтут ли это невежливым?

– Ни в коей мере.

Оскар взял из ее рук чашку и отнес обратно на поднос.

– Мы с Элфридой хотим прогуляться по саду, – объявил он.

– Сейчас? – удивилась Глория. – Уже темно и холодно.

– Не так уж. Мы на десять минут, не больше.

– Хорошо, только позаботься, чтобы Элфрида не замерзла. В саду так сыро и зябко. А вы, дорогая, не разрешайте ему задерживаться надолго...

– Хорошо.

Оживленный разговор у камина возобновился. Речь шла о том, как чудовищно подскочили цены в частных колледжах. Элфрида и Оскар вышли в холл. Оскар неслышно прикрыл дверь и взял с кресла кожаное пальто с меховой подстежкой.

– Позаимствуем у Глории, – сказал он и закутал в него Элфриду. Затем отворил наполовину застекленную парадную дверь, и они вышли в холод и прозрачную чистоту весеннего вечера.

В сумеречном свете неясно вырисовывались кусты и бордюры. В конце газона проходила кирпичная стена, посередине ее рассекал арочный пролет с красивой калиткой из кованого железа. Оскар распахнул ее, и перед ними предстал огороженный стеной сад, четко поделенный живой изгородью на четыре участка. Один из них занимали розы, аккуратно обрезанные и удобренные. Когда настанет лето, здесь будет чем полюбоваться.

Элфрида глядела на этот с любовью обихоженный розарий с завистью.

– И все это ваша работа?

– Нет-нет. Я только планирую, но у меня есть помощник.

– Я не сильна в ботанике. Настоящего сада у меня никогда не было.

– Моя матушка никогда не терялась в таких случаях. Если ее спрашивали, как называется цветок, она с уверенным видом заявляла: *Inapoticum Forgetanamia*³. Это почти всегда срабатывало.

³ «Как называется – не помню» (лат.).

– Надо мне это запомнить.

Они шли бок о бок по широкой, покрытой гравием дорожке.

– Надеюсь, за обедом мы не очень утомили вас своими разговорами?

– Нет, нисколько. Напротив, мне было очень интересно. Я люблю слушать.

– Сельская жизнь. Сплошные интриги.

– Скучаете по Лондону?

– Иногда очень. По концертам и опере. По моей церкви Святого Биддальфа.

– Вы верующий человек? – неожиданно спросила Элфрида и тут же пожалела о своей импульсивности. Слишком рано задавать такие личные вопросы.

Но Оскар отреагировал спокойно.

– Не знаю. Но большая часть моей жизни связана с духовной музыкой, литургиями и магнификатами⁴ англиканской церкви. Мне неудобно жить в мире, где некого благодарить.

– Вы имеете в виду – за благодеяния?

– Именно.

– Понимаю. Хотя я совсем нерелигиозна. В это воскресенье я пошла в церковь только потому, что мне не хватает общения с людьми. Не ожидала, что услышу такую дивную музыку. Никогда прежде не слышала «Te Deum» в подобной аранжировке.

– Орган тут новый. Прихожане провели немало благотворительных ярмарок, чтобы собрать деньги на его покупку.

Минуто-другую они шли молча. Потом Элфрида сказала:

– Вы приняли это как дар Божий? Я имею в виду новый орган?

Оскар засмеялся:

– Вы словно маленькая собачка, которая все грызет и грызет свою косточку. Конечно же, именно так.

– Ну а что у вас здесь есть еще?

Он ответил не сразу. Элфрида думала о Глории, об их роскошном комфортабельном доме, о его музыкальной комнате, друзьях, материальном благополучии. Интересно было бы узнать, как случилось, что Оскар женился на Глории. Долгие годы холостяцкой жизни, ученики, скудный заработок, пыльные классы академии... Может быть, он испугался одинокой старости и нашел простейший выход? Богатая, волевая вдова, рачительная хозяйка, хороший друг, заботливая и умная мать. Или это Глория выбрала его и приняла решение? А может быть, они страстно влюбились друг в друга? Как бы там ни было, свадьба состоялась.

Возникла долгая пауза. Потом Элфрида сказала:

– Не хотите отвечать, не отвечайте.

– Я просто думаю, как бы это лучше объяснить. Женился я поздно, у Глории уже были сыновья от первого брака. Не знаю почему, но мне никогда не приходило в голову, что у меня будет свой ребенок. Когда родилась Франческа, я был потрясен: не просто потому, что появилось на свет божий крохотное человеческое существо, но и потому, что она была так прекрасна. И она была моя. Самая-самая близкая. Как будто я знал ее всегда. Это было чудо! Сейчас ей одиннадцать, и я по-прежнему не верю в свое счастье.

– Она здесь? Дома?

– Нет, в школе-интернате. Завтра вечером заберу ее на выходные.

– Мне бы очень хотелось с ней познакомиться.

– Вы познакомитесь. Хочется думать, она вас очарует. Когда Глория унаследовала этот домик, я противился как мог – не хотел уезжать из Лондона. Но уступил ради Франчески. Здесь простор и свобода. Деревья, запах трав. Есть место, где расти. Простор для кроликов, морских свинок и пони.

⁴ *Магнификат* – церковное песнопение на текст из Евангелия.

– А для меня, – сказала Элфрида, – самое прекрасное – это пение птиц поутру и большое небо.

– Вы тоже, как я понимаю, совершили побег из Лондона?

– Да. Пришло время.

– Расставание было тяжелым?

– В какой-то мере. Я прожила в Лондоне всю жизнь. С того самого дня, когда ушла из школы и из дома. Я стала актрисой. К ужасу родителей. Они так и не смирились. Но мне было все равно.

– Актриса... Я мог бы догадаться.

– И певица тоже. И танцовщица. Пела и танцевала в ревю и американских мюзиклах. Вообще-то, я всегда стояла в заднем ряду хора – из-за своего роста. Потом работала на телевидении, участвовала в телеспектаклях. Но я не знаменитость.

– Вы по-прежнему работаете?

– Боже упаси. Бросила несколько лет назад. Я вышла замуж за актера, и это была самая чудовищная ошибка в моей жизни. Потом он уехал в Америку. Я много работала. Потом снова вышла замуж. И тоже не слишком удачно. Почему-то я все время выбирала не того, кого надо.

– Ваш второй муж был тоже актером?

Оскара явно забавлял ее рассказ, и это было как раз то, чего хотела Элфрида. Она не любила вспоминать о своих мужьях, и помогал в таких случаях только юмор.

– Нет-нет, он был бизнесмен. Торговал дорогими виниловыми полами. Казалось, меня ждал покой и достаток, однако мой муж придерживался викторианской морали. Он был твердо убежден, что все, что от него требуется, – это обеспечивать свою жену жильем и изредка давать ей деньги на домашнее хозяйство.

– Ничего удивительного, – сказал Оскар. – Это вековая традиция. Только когда-то это называлось рабством.

– Как приятно, что вы меня понимаете. Знаете, какой день стал лучшим в моей жизни? Когда мне стукнуло шестьдесят. Я получила пенсионную книжку и знала, что теперь могу пойти на ближайшую почту и мне выдадут деньги, наличными, прямо в руки, ни за что. Никогда в жизни я не получала деньги ни за что. Мне открылся новый мир.

– У вас есть дети?

– Нет.

– Вы так и не объяснили, почему переехали именно сюда.

– Мне надо было куда-то уехать.

– Решительный шаг.

Уже совсем стемнело. Элфрида повернулась к дому – сквозь кованую вязь калитки мягко светились окна гостиной. Кто-то задернул шторы.

– Я никогда об этом не рассказывала, – сказала она. – Никому.

– Можете и мне не рассказывать.

– Я уже столько всего нарасказала! Наверное, выпила много вина за обедом.

– Вовсе нет.

– Был один мужчина. Необыкновенный. Красивый, нежный, веселый и остроумный. Замечательный! Еще один актер, но удачливый и знаменитый в ту пору – я не стану называть его имя. Блестящий! Три года мы жили вместе в его маленьком домике в Барнсе, а потом он заболел болезнью Паркинсона и через два года умер. Дом принадлежал ему. Мне нужно было искать другое жилье. Через неделю после похорон я увидела в «Санди таймс» объявление, что продается коттедж на Пултонс-роу. Я его купила. Денег у меня было совсем немного, но он стоил недорого. Для компании я привезла с собой Горацио. У меня есть пенсия и небольшой приработок – я шью декоративные подушки для очень модного лондонского дизайнера по интерьеру. Работа неутомительная, я при деле и свожу концы с концами. Я всегда любила шить,

а работать с красивыми дорогими тканями очень приятно, и модели все время новые. Вот и вся история, довольно банальная. Не знаю, почему я вам ее рассказала. Это совсем неинтересно.

– Мне очень интересно.

– Просто вы добрый человек. – Стало уже так темно, что Элфриде не удалось разглядеть выражения его опущенных глаз. – Пожалуй, нам пора возвращаться.

– Да, конечно.

– Спасибо за прогулку. Мне очень нравится ваш сад. Хотелось бы посмотреть на него при дневном свете.

Это было в четверг. В воскресенье утром пошел дождь – не весенний ливень, резвый и короткий, а монотонно барабанивший по стеклам надоедливый зимний дождик, и в домике Элфриды стало так темно, что пришлось включить все лампочки. Она выгуляла Горацио, приготовила себе чашку чая и, прихватив ее, снова улеглась в постель, намереваясь провести праздное утро в тепле и удобстве за чтением вчерашних газет и разгадыванием кроссворда.

Но сразу же после одиннадцати зазвонил дверной колокольчик. Его оглушительный звон можно было сравнить разве что с пожарной тревогой. Элфрида даже подскочила от неожиданности. Горацио, лежавший поперек кровати у нее в ногах, порывисто сел и разок-другой твякнул – не в его привычках было рычать на незваного гостя и уж тем паче кусать его.

Удивленная, но ничуть не испуганная, Элфрида вылезла из постели, надела халат, завязала кушак и стала спускаться по узенькой, крутой лесенке. Входная дверь открывалась прямо в миниатюрный палисадник. Там стояла девчушка в джинсах, теннисных туфлях и куртке, с которой стекали струйки воды. Куртка была без капюшона, и голова у девочки намочена. Волосы у нее были рыжеватые, заплетенные в косички, лицо в веснушках, на щеках румянец.

– Миссис Фиппс?

Зубы у девчушки были обвиты какими-то проволочками вперемежку с железными звездочками.

– Да.

– Я – Франческа Бланделл. Мама сказала: сегодня такой ужасный день... Не придете ли вы к нам на ланч? Будет большущий кусок мяса и горы...

– Но я ведь на днях обедала у вас.

– Она сказала: вы так и скажете.

– Спасибо за приглашение. Но, видишь, я даже не одета. Я и не думала о ланче.

– Мама хотела вам позвонить, но я сказала: съезжу на велике.

– Ты на велосипеде?

– Оставила его на дороге. Все в порядке.

Поток воды из водосточного желоба на крыше едва не окатил девочку.

– Думаю, тебе лучше зайти, – сказала Элфрида, – пока ты совсем не промокла.

– О, спасибо! – Франческа мгновенно приняла предложение.

Услыхав мирные голоса и решив, что теперь можно без опаски выходить, Горацио с важным видом спустился по лестнице. Элфрида затворила входную дверь.

– Это мой пес Горацио, – сообщила она.

– Какой симпатяга! Привет, Горацио! Мамины мопсы, когда у нас гость, твякают целыми часами. Вы не против, если я сниму куртку?

– Нисколько. Очень разумная мысль.

Франческа расстегнула молнию и повесила куртку на столбик перил. С куртки тут же начало капать на пол.

Девчушка огляделась.

– Я все время думала, какие милые маленькие домики, но внутри никогда не была. – У нее были большие серые глаза, обрамленные красивыми густыми ресницами. – Когда мамочка

сказала, что вы тут живете, я дожидаться не могла, чтобы прийти посмотреть. Вот и примчалась на велике. Вы не против?

– Ничуть. Только у меня ужасный беспорядок.

– А мне кажется, тут здорово.

Это, конечно, было не так. Мебели маловато, и она не в лучшем виде. Элфрида привезла из Лондона свой любимый и, увы, немного продавленный диван, викторианское кресло, медную каминную решетку, старый письменный стол, лампы, ничего не стоящие картины и уйму книг.

– Я хотела разжечь камин, но еще не успела. Хочешь чая или кофе? Или еще чего-нибудь?

– Спасибо, нет. Я только что выпила кока-колы. А куда ведет вот эта дверь?

– В кухню. Я тебе покажу.

Элфрида пошла вперед, отодвинула щеколду на деревянной двери и распахнула ее настежь. Кухня была не больше корабельного камбуза. Тут кипел небольшой котел, обогревая весь дом; деревянный шкафчик был полон посуды, под окном помещалась фаянсовая раковина, оставшееся место заполняли деревянный стол и два стула. Еще одна дверь сбоку от окна вела в огород. Ее верхняя часть была застеклена, и был виден вымощенный плиткой дворик, окаймленный узким цветочным бордюром. Только этот бордюр Элфрида и успела сделать, до клумб дело не дошло. Кое-где между плитами пробивался папоротник, а по соседской стене взбиралась жимолость.

– В такой день, как сегодня, во дворик, конечно, не тянет, но летом приятно будет посидеть в шезлонге.

– Мне у вас нравится. – Франческа с хозяйственным видом окинула взглядом кухню. – Холодильника у вас нет. И стиральной машины тоже. И морозильника нет.

– Да, морозильника у меня нет. Но холодильник есть, и стиральная машина тоже, они стоят в сарайчике в конце двора. А тарелки я мою в раковине – для посудомоечной машины нет места.

– Думаю, моя мама скорее умрет, чем станет сама мыть посуду.

– Не такой это тяжелый труд, когда живешь одна.

– Мне нравятся ваши чашки. Синие с белым.

– И мне нравятся. Каждый раз, когда мне попадается красивая чашка, я не могу удержаться и покупаю ее. Уже столько набралось, что еле в шкаф помещается.

– А что на втором этаже?

– Две комнатки и крохотная ванная. Ванна такая маленькая, что мне приходится свешивать ноги через край. А комнаты – это спальня и мастерская, там я шью. Если кто-то приезжает в гости, ему приходится спать в мастерской, рядом со швейной машинкой и лоскутками.

– Да, папа говорил мне, что вы делаете подушки. Что ж, для одного человека здесь как раз хватает места. Ну и для собаки тоже. Как в кукольном домике.

– У тебя есть кукольный домик?

– Есть, но я больше с ним не играю. У меня теперь животные. Морская свинка, ее зовут Красотка, только она сейчас не очень красивая – у нее по всей шкурке пошли какие-то ужасные пятна. Надо идти к ветеринару. И еще кролики. И пони. – Франческа сморщила нос. – Его зовут Принц, только он очень мохнатый. Пожалуй, мне пора. Мама сказала, что я до ланча должна его почистить, а его хоть целый век чисть – и все равно не вычистишь. Особенно в дождь. Спасибо, что показали мне ваш дом.

– Мне это было приятно. Спасибо, что привезла мне такое любезное приглашение.

– Вы придете?

– Конечно приду.

– Пешком?

– Нет. В такой дождь надо ехать на машине. Знаешь, где я держу свою машину? На улице.

– Это старый синий «форд-фиеста»?

– Он самый. Но старый – понятие относительное. Главное, колеса крутятся и мотор работает.

Франческа мило улыбнулась, продемонстрировав свои утыканные железками зубы.

– Значит, увидимся, – сказала она. Взяла куртку, с которой все еще капало, надела ее на себя, высвободила косички. Элфрида открыла дверь. – Мама сказала: без четверти час.

– Я не опоздаю. И спасибо тебе, что навестила меня.

– Я к вам еще приеду, – пообещала Франческа.

Элфрида смотрела, как девочка шлепает по лужам к калитке. Минуту спустя она уже вскочила на велосипед, помахала рукой и, бешено крутя педали, помчалась по лужам. Еще мгновение – и она скрылась из вида.

Оскар, Глория и Франческа стали первыми друзьями Элфриды. Через них она познакомилась с другими. Не только с Макгири и Милсами, но и с Фубистерами, уважаемым семейством, которое ежегодно устраивало праздник в парке, окружавшем их старый викторианский дом. И еще с одним старожилом – капитаном в отставке Бартон-Джонсом, вдовцом, заядлым садоводом, председателем Ассоциации общественных тротуаров и ведущим певчим в церковном хоре. Бартон-Джонс, которого друзья звали просто Бобби, любил устраивать вечеринки с выпивкой и называл свою спальню каютой. Ну и наконец, ее друзьями стали Данны – очень богатые люди, которые купили старый дом приходского священника и превратили его в чудесное удобное обиталище с игровыми комнатами и крытым плавательным бассейном с подогретой водой.

Другие обитатели Дибтона, из тех, что поскромнее, входили в жизнь Элфриды постепенно, один за другим, вместе с повседневными заботами и делами: миссис Дженнингс, хозяйка деревенского магазина и почты; мистер Ходкинс, который раз в неделю объезжал всех жителей деревни на своем мясном фургончике (он придерживался твердых политических воззрений, а также был надежным источником новостей и сплетен), Альберт Меддоуз, который отозвался на ее объявление (почтовую карточку, выставленную в витрине миссис Дженнингс) о том, что она нуждается в помощи садовника, и, притом что оказался одноруким, энергично взялся за дело.

Викарий и его жена пригласили Элфриду на ужин а-ля фуршет, во время которого она снова получила приглашение вступить в «Женский институт». Снова вежливо отклонив его (ей не доставляли удовольствие автобусные экскурсии, и она в жизни не законсервировала ни одной банки джема), она все же согласилась принять участие в работе начальной школы и на Рождество поставила с ребятами пантомиму.

Новые знакомые были очень приветливы и гостеприимны, но больше всех Элфриде нравились Бланделлы – с ними было интересно и приятно проводить время. Гостеприимство Глории не знало границ. Не проходило недели, чтобы Элфриду не пригласили в Грейндж – на обильный обед или ужин, на теннисный турнир (сама Элфрида в теннис не играла, но очень любила смотреть, как играют другие) или на пикник. Случались и другие, более значительные события: весенний кросс на соседней ферме, посещение Национального парка, вечер в театре в Чичестере. Элфрида провела с Бланделлами Рождество и встретила Новый год, а когда она устроила первый прием для новых друзей (к тому времени Альберт Меддоуз уже реанимировал ее садик, выровнял каменные плиты на дорожках, подрезал жимолость и покрасил сарай), Оскар вызвался быть барменом, а Глория на своей просторной кухне наготовила всяких вкусностей.

Однако все хорошо до известных пределов. Если Элфрида не хотела, чтобы Бланделлы полностью завладели ею, надо было что-то делать. Она с самого начала поняла, что Глория очень властная женщина, и вполне отдавала себе отчет о грозящей опасности. Элфрида уехала

из Лондона, чтобы жить своей собственной жизнью, и понимала, что Глории в порыве истового служения обществу ничего не стоит сместить со своего пути (а может быть, и утопить в море бурной энергии) одинокую, начисто лишенную бойцовских качеств женщину.

И Элфрида стала время от времени находить предлог отказаться от приглашения. Она говорила, что перегружена работой или что она уже приняла приглашение каких-то воображаемых знакомых, которых Глория не знает. Время от времени они с Горацио уезжали в какую-нибудь дальнюю деревню, где их никто не знал, поднимались по склону холма, минуя отары овец, или шли по берегу темноводного, быстрого ручья. В конце тропинки, как правило, оказывался трактирчик, полный незнакомых людей, где можно было съесть сэндвич, выпить кофе и насладиться одиночеством.

Только так Элфрида могла спокойно проанализировать свои отношения с Бланделлами объективно и беспристрастно, расставив все по местам.

Во-первых, ей очень нравился Оскар; может быть, даже слишком нравился. Она уже давно вышла из возраста романтической влюбленности, другое дело – дружеские отношения. С самой первой их встречи возле дибтонской церкви она почувствовала к нему симпатию и получала все больше удовольствия от общения с ним. Оказывается, первое впечатление не так уж обманчиво, время это доказало.

Но лед был тонок. Элфрида не отличалась излишне высокими моральными принципами – все время, что она жила со своим дорогим, ныне покойным, возлюбленным, он оставался мужем другой женщины. Правда, Элфрида никогда не встречалась с его женой, да и его брак уже потерпел крах к тому времени, как они с Элфридой нашли друг друга, поэтому она никогда не испытывала чувства вины. С другой стороны, довольно часто разыгрывался другой, не столь безобидный сценарий, и не раз Элфрида была ему свидетельницей: одинокая леди, которую брала под крыло близкая подруга, сбегала с мужем этой сердобольной подружки.

Но с Элфридой такое не случится. Она знала, что ее сила – в понимании опасности и здравом смысле.

А кроме того, Франческа, одиннадцатилетняя дочка Бланделлов. Элфрида была бы счастлива иметь такую дочь: независимую, открытую, прямую, смешливую. И с богатым воображением, как видно развившимся в девочке от ненасытного чтения книг. Франческа так погружалась в чтение, что головы от книги не поднимала, даже если кто-нибудь входил в комнату, включал телевизор и заводил громкий разговор. В школьные каникулы она частенько заглядывала на Пултонс-роу – поиграть с Горацио, посмотреть, как Элфрида шьет свои подушки. Девочка засыпала Элфриду вопросами о театральном прошлом и слушала ее рассказы как завороченная.

Ее отношения с отцом были удивительно нежными и близкими. По возрасту он годился ей в деды, но удовольствие, которое они получали от общения друг с другом, невозможно было сравнить с обычным общением детей и родителей. Из-за двери музыкальной комнаты неслась веселая песенка – это отец и дочь играли в четыре руки, и неверная нота вызывала не взаимные обвинения, а веселый смех. Зимними вечерами отец читал дочери вслух; они уютно усаживались в большом кресле, и девочка то и дело обвивала руками шею отца и целовала его в белую макушку.

Что до Глории, то она больше дружила со своими взрослыми сыновьями, чем с поздней дочкой. Элфрида общалась с ними и с их хорошенькими, модно одетыми женами, когда они заезжали в Грейндж по пути на уик-энд или прибывали из Лондона на воскресный ланч. Оба светски вежливые и самоуверенные, они были так похожи друг на друга, что казались близнецами. У Элфриды было такое чувство, что ни тот ни другой не одобряют ее присутствия в доме, но, поскольку они ей не нравились, это ее не беспокоило. Глория их обожала: одаривала овощами и фруктами с огорода, а в час отъезда махала вслед рукой как всякая сентиментальная мать. Она свято верила, что ни один из ее сыновей не может совершить ничего плохого,

но Элфрида подозревала, что без одобрения матери Дафне и Арабелле тут же была бы дана отставка.

Франческа была другая. Безусловно, Оскар оказывал на нее влияние, но все же она шла своим путем. Хотя книги и музыка нравились ей больше, чем занятия спортом в пони-клубе, она никогда не бунтовала, не дулась, с любовью ухаживала за своим строптивым пони, регулярно трусила на нем по кругу на лужайке, которую Глория выделила для выгула лошадей, и совершала дальние выезды по укромным тропинкам вдоль речки. В этих прогулках ее часто сопровождал Оскар – на допотопном велосипеде, сохранившемся со школьных лет.

Глория не мешает этой дружбе, очевидно, потому, что Франческа не представляет для нее особого интереса, решила Элфрида. Эта женщина вся поглощена своей бурной жизнью, приемами, друзьями. Ей важна роль лидера. Иногда она напоминала Элфриде охотника, трубящего в рог, чтобы привлечь внимание, и размахивающего плеткой, чтобы собрать в круг своих собак.

Лишь однажды Элфрида вызвала неодобрение Глории. Это случилось на праздничном обеде у Фубистеров. Чинный прием с соблюдением всех формальностей, зажженные свечи, поблескивающее серебро, старый дворецкий, ожидающий гостей у стола. После обеда в длинной и довольно холодной (вечер был промозглый) гостиной Оскар сел за рояль и сыграл этюд Шопена, а потом сказал, что Элфрида должна спеть.

Она растерялась, стала отказываться: она уже столько лет не поет, голос безнадежно сел...

Но тут к уговорам присоединился старый сэр Эдвин Фубистер.

– Прошу вас, – сказал он, – я так люблю пение.

Он сказал это столь простодушно, что Элфрида заколебалась. Да, ее голос утратил юношеский тембр и вибрирует на высоких нотах, да, она сделает себя посмешищем, ну и что? В этот момент ее взгляд упал на раскрасневшееся лицо Глории – в нем проступило что-то бульдожье и ясно читалось неодобрение и тревога. Значит, Глория не хочет, чтобы она пела? Чтобы встала рядом с Оскаром и развлекала гостей? Глории явно не нравилось, когда кто-то отвлекал внимание от нее самой. Элфрида даже ощутила неловкость, словно застала ее не одетой.

Конечно, можно было бы проявить осторожность, все же вежливо отказаться, принести извинения. Но Элфрида вкусно пообедала, выпила превосходного вина и расхрабрилась. Она никогда не позволяла себя запугивать и не собиралась изменять этому правилу. Поэтому она улыбнулась, глядя в нахмуренное лицо Глории, и повернулась к хозяину дома.

– Что ж, я не против. С удовольствием...

– Замечательно! – Сэр Эдвин, как ребенок, захлопал в ладоши. – Вы нам доставите удовольствие.

Элфрида встала и пошла к роялю, где ее ждал Оскар.

– Что будете петь?

Она сказала:

– Песню, которую пели когда-то Роджерс и Харт. Вы ее знаете?

– Конечно.

И он заиграл вступление. Элфрида расправила плечи, глубоко вздохнула...

Я бросил взгляд на тебя,
лишь единственный взгляд.

Голос у нее стал слабее, но она не фальшивила.

И сердце замерло...

Ее вдруг охватило беспричинное счастье: она снова почувствовала себя молодой, вместе с Оскаром они наполняли комнату музыкой своей юности.

До конца вечера Глория не произнесла ни одного слова, о ней все словно забыли. Пока гости выражали свое восхищение и поздравляли Элфриду, она пила бренди. Когда пришло время расходиться, сэр Эдвин проводил их к машине. Элфрида пожелала ему доброй ночи и забралась на заднее сиденье. За руль сел Оскар, и Глории пришлось довольствоваться ролью пассажира в ее собственном авто.

Уже подъезжая к дому, Оскар спросил жену:

– Как тебе понравился вечер?

– У меня болит голова, – коротко ответила она.

Ничего удивительного, подумала Элфрида, но благоразумно промолчала. Она давно заметила, что Глория Бланделл, расчетливая, практичная, с луженым желудком, слишком много пьет. Не раскисает, держится на ногах, но пьет действительно много. И Оскар это знает.

Оскар. Сейчас, в серый октябрьский день, в лавке миссис Дженнингс он забирает свои газеты и покупает пакет собачьего корма. Он в вельветовых брюках, толстом домашнем свитере и грубых башмаках. Наверное, копался в саду, вспомнил про газеты и пришел сюда.

Миссис Дженнингс подняла глаза:

– Добрый день, миссис Фиппс.

Оскар повернулся и увидел ее.

– Элфрида! Добрый день.

– Вы пешком пришли? Я не заметила вашей машины.

– Оставил ее за углом.

Он отступил в сторонку, давая место Элфриде.

– Давно мы вас не видели. Как жизнь?

– Погода осточертела.

– Да уж, погода отвратительная, – встряла миссис Дженнингс. – Холодно, грязь, делать ничего не хочется. Ну, что у вас там, миссис Фиппс?

Элфрида выложила содержимое корзины на прилавок. Хлеб, полдюжины яиц, бекон и масло, две банки собачьего корма и интерьерный журнал «Бьютифул хоумс».

– Записать на ваш счет?

– Будьте любезны. Кошелек не захватила.

Оскар увидел журнал.

– Решили заняться ремонтом?

– Нет. Но мне нравится читать о том, что делают другие, – это успокаивает. Все равно что слушать советы, как надо стричь газон.

Миссис Дженнингс рассмешили ее слова.

– Дженнингс убрал косилку в сарай еще в сентябре. Ненавидит косить траву.

Оскар подождал, когда Элфрида переложит все покупки в свою корзину, потом предложил:

– Вас подвезти?

– Я не прочь и пешком пройтись. Со мной Горацио.

– И его я тоже приглашаю. Спасибо, миссис Дженнингс, до свидания.

– Всего хорошего, мистер Бланделл. Передавайте привет жене.

Они вместе вышли из магазина. На тротуаре по-прежнему торчали мальчишки. К ним присоединилась сомнительного вида девчонка, с иссиня-черной копной волос, в кожаной юбке, которая едва прикрывала зад, и с сигаретой в зубах. Ее присутствие, наверное, раззадоривало подростков: они разыгрывали какие-то пантомимы и оглушительно гоготали. Горацио, явно страдавший от такого соседства, выглядел несчастным. Элфрида отстегнула поводок от решетки, и он облегченно замахал хвостом. Они завернули за угол и прошли по узкому переулку до того места, где Оскар оставил машину. Элфрида села сзади, а Горацио устроился на

полу и положил морду ей на колени. Когда Оскар присоединился к ним, захлопнул дверцу и включил зажигание, Элфрида сказала:

– Вот уж не думала, что встречу кого-то в магазине в такой час. Обычно здесь собираются с утра. Там-то и узнаешь все новости.

– Да, конечно. Но Глория в Лондоне, а я забыл про газеты.

Он выехал на главную улицу. Уроки в школе кончились, и по тротуарам, волоча по земле ранцы, тащились домой усталые чумазные ребята. На церковном дворе служитель жег листву, в промозглый недвижный воздух поднимался струйками серый дымок.

– Когда же она уехала?

– Вчера. Там у нее какие-то дела, встречи. Не говоря уже о сыновьях. Она поехала на поезде, я должен встретить ее в половине седьмого.

– Может, заглянете ко мне на чашку чая? Или предпочитаете вернуться к своим клумбам?

– Как вы узнали, что я возился в саду?

– Неопровержимые улики плюс женская интуиция. У вас грязь на башмаках.

Он рассмеялся:

– Совершенно верно, Холмс! Что ж, от чашки чая я не откажусь.

Они миновали трактир. Еще минута-другая, и машина въехала в переулок, где вниз по склону тянулся ряд маленьких коттеджей – улочка Пултонс-роу. У калитки Оскар остановился, и Элфрида с Горацио выбрались из машины. Освободившись от поводка, пес помчался по тропинке к дому; Элфрида с корзиной в руке последовала за ним и открыла дверь.

– А вы когда-нибудь ее запираете? – спросил у нее за спиной Оскар.

– Во всяком случае, не тогда, когда иду за покупками. Воровать у меня нечего. Входите. – Элфрида прошла на кухню и принялась выкладывать на стол содержимое корзины. – Будьте добры, разожгите камин. А то что-то сегодня мрачноватый денек.

Она наполнила чайник и поставила на плиту. Потом сняла жакет, повесила его на спинку стула и начала накрывать на стол.

– Вам кружку или чашку? – спросила она.

– Садовникам полагаются кружки, – отозвался он из комнаты.

– Будем пить у камина или сядем здесь?

– Мне всегда приятнее, когда мои колени под столом.

Элфрида без особой надежды открыла коробки с печеньем. Две были пусты, в третьей оказалась половина имбирного пряника. Она поставила коробку на стол, положив рядом нож. Отыскала в холодильнике молоко и перелила из картонного пакета в желтый фаянсовый кувшинчик. Нашла сахарницу. Из гостиной послышалось потрескивание дров в камине. Элфрида подошла к двери и, прислонясь к косяку, стала наблюдать за Оскаром. Он осторожно укладывал на вершину костерка из тонких поленьев два куса угля.

Почувствовав присутствие Элфриды, он выпрямился и, повернув голову, улыбнулся ей.

– Хорошо занялся. Я грамотно уложил и поджег со всех сторон. Вам нужны дрова на зиму? Если хотите, могу прислать.

– А где мне их хранить?

– Можно сложить в палисаднике, у стены.

– Замечательно, если это вас не разорит.

– У нас их более чем достаточно. – Оскар вытер руки о брючины. – А знаете, у вас тут очень мило.

– Да, только трудно навести порядок. Мало места. С этими вещами такая морока! Я не очень-то люблю выкидывать то, к чему привыкла. Есть две-три вещишки, которые я вожу с собой многие годы с тех пор, как я выступала на сцене. Таскаю на горбу раковину, как улитка.

Шелковая шаль и забавные безделушки всегда делали мои временные квартиры немного уютнее.

– Пара стаффордширских собачек просто очаровательна.

– Я всегда возила их с собой, только на самом деле они не парные.

– И маленькие дорожные часы.

– Они тоже всегда путешествовали со мной. Их оставил мне мой крестный отец. А одна вещь, возможно, действительно ценная – вон та маленькая картина.

Она висела по левую сторону от камина, и Оскар надел очки, чтобы лучше ее разглядеть.

– Где вы ее приобрели?

– Это подарок одного актера. Мы с ним участвовали в новой постановке «Сенной лихорадки» в Чичестере, и под конец сезона он сказал, что хочет, чтобы эта картина была у меня. Он откопал ее в какой-то лавке и, думаю, не так уж много за нее заплатил, но был уверен, что это Дэвид Уилки.

– Сэр Дэвид Уилки? – Оскар нахмурился. – Ценная вещь. Но почему он отдал ее вам?

– В благодарность за то, что я штопала ему носки, – невозмутимо ответила Элфрида.

Оскар снова повернулся к картине. На небольшом полотне – двенадцать на восемь дюймов – была изображена пожилая пара в одеждах восемнадцатого века, сидящая за столом, на котором лежит огромная Библия в кожаном переплете. Фон приглушен, мужчина в темном костюме, а женщина в красном платье, канареечно-желтой шали, накинутой на плечи, и белом капоре с оборками и лентами.

– Мне кажется, что она собралась на какой-то веселый праздник.

– Вне всякого сомнения. Элфрида, вам все-таки следует запирать входную дверь.

– Наверное.

– Картина застрахована?

– Она сама – моя страховка. На черный день.

– Значит, это талисман? – Оскар улыбнулся и снял очки. – Мне кажется, Элфрида, у вас особый дар: вы так удачно подбираете себе вещи, что все вместе они выглядят удивительно мило. Уверен, здесь нет ни одной, которую бы вы не считали прекрасной или полезной.

– Оскар, вы говорите мне приятнейшие слова.

В этот момент из кухни донесся свист чайника. Элфрида пошла снять его с горелки, и Оскар последовал за ней. Он смотрел, как она заваривает чай в круглом коричневом чайнике.

– Пусть настоится хорошенько. Вот лимон, если хотите. А еще есть имбирный пряник, только он немного подсох.

– Чудесно! – Оскар выдвинул стул и уселся на него с явным облегчением, точно у него устали ноги.

Элфрида устроилась напротив и стала резать пряник.

– Оскар, – сказала она, – я уезжаю.

Он не ответил. Она подняла глаза и увидела на его лице удивление и испуг.

– Навсегда? – спросил он.

– Конечно же нет.

– Слава богу! Вы меня здорово напугали.

– Я уже никогда не покину Дибтон, я же вам говорила. Я приехала сюда провести сумеречные годы. Но пора немного отдохнуть.

– Вы устали?

– Нет, но осень всегда действует на меня угнетающе. Она – словно какая-то тоскливая полоса между летом и Рождеством. Мертвый сезон. К тому же приближается мой день рождения. Шестьдесят два. Так что самое время для перемен.

– Разумное решение. Это пойдет вам на пользу. Куда же вы едете?

– На самый краешек Корнуолла. Туда, где чихнешь – и рискуешь свалиться со скалы в Атлантический океан.

– Корнуолл? – На лице Оскара отразилось изумление. – Почему Корнуолл?

– Потому что там живет мой кузен. Зовут его Джеффри Саттон, и он ровно на два года моложе меня. Мы с ним давние друзья. Он из тех милых людей, которым можно запросто позвонить и сказать: «Я хочу приехать и пожить у тебя». И он наверняка ответит: «Приезжай». Причем так, что веришь: он действительно этому рад. Так что мы с Горацио завтра выезжаем.

Оскар в сомнении покачал головой:

– Никогда не слышал, что у вас есть кузен. И вообще какие-то родственники.

– Что ж я, по-вашему, родилась от непорочного зачатия?

– Да нет. Просто я удивлен.

– Я не часто вспоминаю о своей семье. – Элфрида сбавила тон. – Живу сама по себе. Но Джеффри – особенный родственник. Мы с ним не теряем связь.

– У него есть жена?

– Даже две. Правда, первая уже в прошлом. Это была настоящая головная боль по имени Доди. Думаю, его пленили ее хорошенькое личико и беззащитность, но вскоре выяснилось, что он связал себя узами брака с жуткой эгоисткой и бездельницей. Она стремилась под любым предлогом ускользнуть из дома, и Джеффри тратил чуть ли не весь заработок на оплату кухарок и нянь для дочерей.

– И что же произошло с их браком? – с интересом спросил Оскар.

– Когда девочки выросли, получили образование и сами начали зарабатывать деньги, Джеффри ушел. К Серене. Она прелестная женщина, намного моложе его. Работала цветочницей, делала букеты для всяких там званных вечеров и прочее. Джеффри знал ее давно. Он ушел от жены и с работы одновременно и уехал с Сереной подальше от Лондона. Когда кончился пренеприятный бракоразводный процесс, женился. У них есть сын и дочь. Живут они скромно, разводят кур и летом пускают туристов. Постель и завтрак.

– Счастливы?

– О да!

– А дочери от первого брака?

– Я потеряла с ними связь. Старшую зовут Никола. Она вышла замуж, родила ребенка. Неприятная особа, вечно всем была недовольна и жаловалась, что судьба к ней несправедлива. По-моему, она всегда завидовала Кэрри.

– Родной сестре?

– Именно. А вот Кэрри – прелесть. Вся в Джеффри. Лет десять назад, когда мне делали операцию, она приехала и шесть недель ухаживала за мной. Я тогда жила в маленькой квартирке в Патни. Кэрри все взяла в свои руки, и мне было с ней очень хорошо. – Элфрида нахмурилась, что-то подсчитывая в уме. – Сейчас ей должно быть около тридцати.

– Она замужем?

– Не думаю. Знаю, что она жила в Австрии, работала в туристической компании, инструктором по лыжам. Больше всего на свете она любила лыжный спорт. Что бы там ни было, я уверена – Кэрри счастлива. Кажется, чай заварился. – Элфрида наполнила кружку Оскара и отрезала ломтик пряника. – Так что у меня есть родственники, хотя и не очень близкие. – Элфрида улыбнулась. – А у вас?

Оскар поскреб в затылке:

– Как и вы, я не очень хорошо представляю, где они сейчас находятся и чем занимаются.

– Расскажите.

– Ну... – он задумчиво жевал пряник, – моя бабушка была шотландкой. Как вам для начала?

– Неплохо!

- У нее был дом в Сазерленде, большое поместье, ферма.
- Состоятельная леди.
- Обычно я проводил у нее летние каникулы, но она умерла, когда мне было шестнадцать лет, и больше я туда не ездил.
- Как называлось поместье?
- Корридейл.
- Наверное, дом был огромный?
- Да нет. Но очень удобный. Мне запомнились сытная еда, резиновые сапоги и удочки, разбросанные по всему дому. И чудесные запахи: цветы, пчелиный воск – им полировали мебель, аромат поджаривающихся тетеревов и куропаток.
- Восхитительно! Даже слюнки текут. Ваша бабушка наверняка попала в рай.
- Не знаю. Хотя она была необычайно талантлива и ни на что не претендовала.
- Талантлива в чем?
- У нее был талант жить. И несомненно, музыкальный. Она была замечательной пианисткой. Думаю, я унаследовал способности к музыке от нее, и именно она направила меня на эту стезю. В Корридейле всегда звучала музыка. Она стала частью моей жизни.
- Что еще вы там делали?
- Не помню. По вечерам охотился на зайцев. Ловил форель. Играл в гольф. Бабушка пыталась научить меня, как целиться в лунки, но с ней я не мог состязаться. Приезжали гости, и мы играли в теннис, а если было тепло, что случалось редко, я на велосипеде ездил к морю купаться. В Корридейле не важно было, что ты делаешь. Это был отдых, и очень веселый.
- И что же случилось потом?
- Бабушка умерла во время войны. Поместье унаследовал мой дядя и переехал туда жить.
- Он приглашал вас на летние каникулы?
- Мне исполнилось шестнадцать лет. Я был весь погружен в музыку. Сдавал экзамены. Другие интересы, другие люди. Другая жизнь.
- Он так там и живет? Я имею в виду, ваш дядя.
- Нет, теперь он живет в Лондоне, неподалеку от Альберт-холла.
- Как его фамилия?
- Маклеллан. Гектор Маклеллан.
- Великолепно! У него есть килт и рыжая борода?
- Нет, он уже очень стар.
- А Корридейл?
- Дядя передал его своему сыну Хьюи, лентяю и бездельнику. А тот любит шикарно жить и оригинальничать. Хьюи сразу же стал приглашать в Корридейл приятелей, которые пили его виски и вели себя так, что слуги, проработавшие в поместье много лет, были просто в отчаянии. Потом Хьюи решил, что жизнь на севере не для него. Он продал поместье и отправился на Барбадос. Насколько мне известно, он и сейчас живет там со своей третьей женой и продолжает развлекаться.
- Элфрида позавидовала:
- Какой интересный человек!
- Нет, вовсе не интересный. Его поступки весьма предсказуемы. Мы поддерживаем с ним связь, но друзьями никогда не были.
- Значит, вы никогда больше там и не побываете?
- Похоже, что так. – Оскар откинулся на спинку стула и скрестил руки. – Правда, бабушка оставила нам с Хьюи еще один дом. Он уже много лет сдается какой-то пожилой паре. Каждые три месяца я получаю небольшую ренту. Хьюи, разумеется, тоже. Думаю, ему хватает этих денег на пару попоек.
- А дом большой?

– Не очень. Стоит в центре маленького городка. Когда-то это была контора управляющего поместьем, а потом его переделали в жилой дом.

– Очень интересно. Хотела бы я иметь дом в Шотландии!

– Полдома.

– Полдома лучше, чем ничего. Вы можете поехать туда с Франческой на каникулы.

– Мне почему-то это и в голову не приходило. Честно говоря, я вообще про этот дом не вспоминаю. Скорее всего, рано или поздно Хьюи предложит мне либо выкупить его половину, либо продать ему мою. Но меня это мало беспокоит. Я предпочитаю не торопить события. Чем меньше дел я имею с Хьюи Маклелланом, тем лучше.

– Прячетесь от проблем?

– Просто ни за чем не гонюсь. Ну и когда же вы уезжаете?

– В следующую среду.

– Надолго?

– На месяц.

– Открытку нам пришлете?

– Непременно.

– Дайте знать, когда вернетесь.

– Сразу же.

– Нам будет вас не доставать, – сказал Оскар, и у Элфриды потеплело на сердце.

Домик назывался Эмбло-коттедж. Гранитным фасадом он был обращен к северным ветрам и к Атлантике; немногочисленные на этой стороне окошки были маленькие, глубоко посаженные, однако подоконники достаточно широкие для горшков с геранью, причудливых обломков плавника и раковин. Серена любила собирать раковины. Когда-то этот коттедж был частью Эмбло, процветающей молочной фермы, и в нем жил пастух, но он ушел на пенсию, потом умер; молочные хозяйства механизировали, и фермер, дабы сократить расходы, продал коттедж. С тех пор тут трижды сменились хозяева, и в последний раз коттедж был выставлен на продажу, как раз когда Джеффри принял судьбоносное решение распрощаться с Лондоном, с Доди и со своей работой. Он прочел объявление в «Таймс», немедленно сел в машину, ехал всю ночь напролет, чтобы посмотреть коттедж одним из первых, и обнаружил отсыревший домик, спрятавшийся в разросшихся кустах неухоженного сада, убого обставленный для сдачи в летний сезон. Но отсюда открывался вид на скалы и на море, по южной стене вилась глициния, а на лужайке цвел куст камелии.

Джеффри позвонил управляющему своего банка и купил коттедж. Когда они с Сереной въехали, в печных трубах были птичьи гнезда, обои клочьями свисали со стен, а в комнатах стоял запах сырости и плесени. Но какое это имело значение! Они расположились на спальнях мешках и откупорили бутылку шампанского. Они были вместе и в своем доме.

Прошло десять лет. Два года ушло на то, чтобы привести дом в порядок. Все это время водопроводчики, плотники, плиточники и каменщики в заляпанных грязью башмаках бродили по комнатам, без конца пили чай и вели долгие разговоры о смысле жизни.

Время от времени Джеффри и Серена выходили из себя из-за того, как медленно продвигается работа, но одержать верх над этими философами-любителями было невозможно. Они не понимали смысла слова «поторопитесь» и дружно сходились на том, что поработать можно и завтра.

Но в конце концов рабочие удалились, оставив хозяевам небольшой, ладный, крепкий кирпичный дом с кухней и маленькой гостиной внизу и верхним этажом, куда вела скрипучая деревянная лестница. К задней стене кухни примыкало довольно просторное помещение, вымощенное плиткой. Прежде там была прачечная, а теперь висели дождевики и стояли резиновые сапоги; здесь же Серена установила стиральную машину и морозильник. Огромную

фаянсовую раковину, которую Джеффри нашел в канаве, отмыли и отчистили, и теперь она пользовалась постоянным спросом: в ней мыли яйца, купали собак, составляли букеты из полевых цветов, которые Серена любила расставлять по дому в старомодных глиняных кувшинах. Наверху располагались три чистенькие спальни со скошенными потолками и небольшая ванная комната, из окна которой открывался самый красивый вид на юг, на фермерские поля и поросший вереском склон холма.

Хозяевам не было здесь одиноко. Примерно в ста ярдах от них стоял фермерский дом с хозяйственными пристройками, по переулку мимо их калитки постоянно двигались тракторы, грузовички с молочными бидонами, машины; ребятишки, которых школьный автобус высаживал в конце дороги, шли домой. В фермерской семье было четверо детей, и все они стали лучшими друзьями Бена и Эми – вместе гоняли на велосипедах, собирали ежевику, с тяжелыми рюкзаками за спиной уходили к скалам поплавать и попировать у костра.

Элфрида еще ни разу не приезжала сюда. И вот теперь она в пути. Джеффри ощущал странное, полузабытое чувство, которое он наконец определил как волнение.

Элфрида. Сколько ей сейчас?.. Шестьдесят один? Шестьдесят два? Мальчишкой он был очень высокого о ней мнения – она ничего и никого не боялась и постоянно смешила его. Джеффри учился в школе-интернате, и по сравнению с ее казенной дисциплиной общение с Элфридой было для него словно луч света: необыкновенно привлекательная бунтарка, она неустанно сражалась против родителей и в конце концов победила – стала актрисой. Такая целеустремленность, смелость и воля к победе восхищали Джеффри, и он был предан Элфриде всей душой. Раза два она по собственной инициативе забирала его из интерната на выходные, и он не торопился выходить, чтобы мальчишки успели полюбоваться на нее: в темных очках, с ананасного цвета волосами, затянутыми в пучок шифоновым шарфиком, она ждала его в своем маленьком красном спортивном автомобиле.

– Это моя кузина. Она поет в каком-то шоу. В Лондоне, – небрежно сообщал он приятелям. – Они привезли это шоу из Нью-Йорка.

Потом он бежал к Элфриде с извинениями за опоздание и втискивался в тесное пассажирское сиденье. Ревел мотор, летел во все стороны гравий, и они уносились вдаль. По возвращении в школу он хвастался прогулкой:

– Ну, мы заехали в мотель. Поплавали в бассейне, пообедали.

Он страшно гордился кузиной и был в нее не на шутку влюблен.

Но время шло, они повзрослели. У каждого из них теперь была своя жизнь, и они потеряли связь. Элфрида вышла замуж сначала за актера, потом за какого-то скучнейшего типа и наконец завела себе знаменитого и преуспевающего любовника. Казалось, она нашла свое счастье, но у него началась болезнь Паркинсона и спустя какое-то время он умер.

Последний раз Джеффри видел кузину в Лондоне, вскоре после того, как она встретилась с этим замечательным человеком, которого всегда называла Джимбо.

– Это не настоящее имя, – объясняла Элфрида, – я сама его придумала. Знаешь, я и не представляла, что так может быть, что кто-то станет мне таким близким человеком. Мы с ним совершенно не похожи, и все же я люблю его больше всех на свете. Я никогда никого так не любила.

– Но что же будет с твоей карьерой? – спросил ее тогда Джеффри.

– А, гори она синим пламенем! – сказала Элфрида и рассмеялась.

Джеффри никогда не видел ее такой счастливой, такой красивой, такой довольной. Его собственный брак был на последнем издыхании, и она всегда была где-то рядом, на другом конце провода, давала ему советы, иногда удачные, иногда не очень, но, самое главное, искренние. Когда он познакомил ее с Сереной, она на следующий вечер позвонила ему и сказала:

– Джеффри, милый, она просто прелесть!.. Перестань терзаться и сосредоточься на ней.

– А как же дочери?

– Они уже взрослые и сами о себе позаботятся. Ты должен подумать о себе. Не упusti свой шанс. Не сомневайся. У тебя нет времени. Жизнь только одна.

– А Доди?

– Она переживет. Оберет тебя до нитки и успокоится. Она не поступится собственным комфортом. Отдай ей все, уходи и будь счастлив.

Уходи и будь счастлив. Он именно так и поступил.

Осенний вечер был хмур. Поднимался ветер. Джеффри собрал яйца, загнал квохчущих кур в их деревянные домики. Темнело. Серена включила в коттедже электричество, и в густеющих сумерках засветились желтым светом маленькие окошки. Сегодня четверг, надо подвезти тачку с мусором к шоссе, утром за мусором заедет грузовичок. Ветер крепчал, теперь он пахнул морем и был соленым на вкус. Зашуршали, заплясали над изгородью ветки дрока. В их жалобный шелест вплеталось журчание ручейка, бегущего по обочине проулка и вниз по склону холма. Похолодало, и Джеффри вошел в дом надеть куртку поплотнее. Серена что-то помешивала на плите, дети за кухонным столом готовили уроки.

– Тачка... – сказал вдруг он.

– Вот умница, что вспомнил.

– Вернусь через пять минут.

– Может, Элфрида как раз подъедет.

Джеффри покати́л тачку по изрытому колеями проулку и поставил у обочины. Прислонившись к изгороди, как усталый пожилой крестьянин, он достал пачку сигарет и прикурил от своей старой стальной зажигалки. День угасал. Он смотрел на потемневшее, затянутое облаками небо. Море было синевато-серое, в белых барашках. У подножия скал глухо рокотали буруны, влажный туман с моря оседал на щеках.

Джеффри вспомнил полузабытые стихи:

Хрупка моя хрустальная обитель,
Все бури Корнуолла рвутся в двери,
Плывут, белея, корабли зимы
По пустоши, где цвел недавно вереск.

Он стоял, пока не докурил сигарету, потом швырнул окурок и повернул к дому, но в этот момент увидел свет фар. Они приближались с восточной стороны, мигая на поворотах. Джеффри остановился. Появилась старенькая синяя «фиеста» и осторожно повернула на Эмблo. Он понял, что это Элфрида, ступил на дорогу и замахал руками. Машина остановилась. Он отворил дверцу, сел на сиденье и вдохнул знакомый аромат. Элфрида всегда душилась этими духами.

Он сказал:

– Не стоит останавливаться на шоссе. Тут ездят тракторы и автобусы с немецкими туристами. Свернем в проулок.

Элфрида последовала его совету.

– Привет! – сказала она.

– Ты все-таки приехала.

– Пять часов добиралась.

– Легко нашла дорогу?

– Ты отлично нарисовал схему.

– А кто это на заднем сиденье?

– Мой пес Горацио. Я ведь говорила тебе, что он тоже приедет.

– А я с такой ненавистью смотрел на телефон. Боялся, что ты позвонишь и скажешь, что передумала.

– Ни за что, – сказала Элфрида и перешла к делу: – Это подъезд к твоему дому?

– Он самый.

– Узковат.

– Ничего, проедем.

– Тогда вперед.

Джеффри засмеялся:

– Вперед.

Элфрида нажала на педаль газа, и машина осторожно въехала в узкий проезд.

– Как дорога? – спросил Джеффри.

– Нормально. Правда, я немного нервничала – давно не отправлялась в такие дальние поездки. Знаешь, незнакомые магистрали и громяющие автофургоны ужасно действуют на нервы. Я ведь не на «феррари».

– У тебя хорошая машина.

Снаружи у коттеджа зажегся свет, – видимо, Серена услышала шуршание гравия. Фонарь осветил открытую площадку с высокой гранитной стеной.

– Остановимся здесь, – скомандовал Джеффри.

Тут откуда-то выскочили две овчарки и с оглушительным лаем запрыгали вокруг машины.

– Не пугайся, – сказал Джеффри, – это Тарбой и Финдус. Они не кусаются.

– И Горацио не тронут?

– И его.

Они вышли из машины и выпустили Горацио. Собаки обнюхали его, и он с умиротворенным видом вскинул лапу под ближайшим развесистым кустом.

На Джеффри такая непринужденность произвела впечатление.

– Какой он породы?

– Неизвестно. Но хороший пес, спокойный и чистоплотный. Он может спать со мной в комнате. Я привезла его корзинку.

Джеффри открыл багажник «фиесты», вынул оттуда потертый чемодан и большой бумажный пакет.

– Приехала с собственным довольствием?

– Это еда для Горацио и его миска.

С заднего сиденья Элфрида достала корзинку Горацио и еще один объемистый бумажный пакет. Дверцы машины захлопнулись. Джеффри пошел по вымощенной плитам дорожке и повернул за угол дома, Элфрида последовала за ним. И сразу же на них налетел ветер с моря. Джеффри поставил чемодан Элфриды, отворил дверь, и она вошла в кухню.

Двое ребятишек, сидящие за столом, уставились на нее. Серена, раскрыв объятия, шагнула навстречу.

– Джеффри, ты и правда нашел Элфриду! Вот умница, отправился отвезти мусор, а возвратился с вами. Как точно рассчитал! Тяжелая была поездка, да? Хотите чая и что-нибудь перекусить? Ах, вы же еще не познакомились с ребятами. Это Бен, а это Эми. А это Элфрида, птички мои.

– А мы знаем, – сказал мальчик. – Вы ведь только о ней и говорили. – Он был темно-волосый, а его младшая сестричка – светленькая.

Бен встал из-за стола и подошел пожать руку Элфриде, с интересом косясь на ее багаж в ожидании подарка. Он был смуглый, с темными отцовскими глазами и копной густых черных волос. Придет время, и этот парнишка разобьет не одно нежное сердечко, подумала Элфрида.

Джеффри оставил чемодан у лестницы и тоже вошел в кухню.

– Привет, папа.

– Привет, Бен. Сделал домашнее задание?

– Да.

– Молодчина. А ты, Эми?

– Давным-давно, – гордо ответила девочка и застеснялась. Она подошла к отцу и, обхватив его ногу, тесно прижалась к нему лицом. Элфрида решила, что дети необыкновенно похожи на Джеффри и очень красивы. Но ведь Серена тоже очень красива. Ее светлые, как у дочери, волосы скручены в узел и скреплены черепаховой заколкой, глаза ярко-голубые, на нежном лице россыпь веснушек. Она была в узких джинсах, которые делали ее длинные ноги еще длиннее, в синем пуловере и шелковом шарфике на шее.

– Какова программа? – спросил у нее Джеффри.

– Для Элфриды я сейчас приготовлю чай, если, конечно, она хочет. Или посидите у камина? А могу проводить вас в вашу комнату, Элфрида, если вы хотите распаковать чемодан или принять ванну.

– Когда ужин?

– Часов в восемь. Сначала я покормлю Бена и Эми.

Эми оторвалась от отцовской ноги и сказала:

– Сосиски.

– Прости, не поняла. – Элфрида шутливо нахмурила брови.

– У нас на ужин будут сосиски. И картофельное пюре. И запеченная фасоль.

– Как вкусно!

– А у вас кое-что другое. Мамочка приготовила.

– Не говори! Пусть это будет сюрприз.

– Курица с грибами!

– Эми! – завопил брат. – Тебе ведь сказали: не говори!

Элфрида засмеялась:

– Не сердись на нее. Я уверена, что это будет просто объедение.

– Ну так как же? – спросила Серена. – Выпьете чая?

– Пожалуй, я лучше пойду наверх, разложу вещи и приму ванну, ладно?

– Отлично. Правда, у нас только одна ванна, но дети могут помыться после вас. Горячей воды сколько угодно.

– Тогда я так и поступлю.

– А Горацио? – спросил Джеффри. – Надо его покормить?

– Да, конечно. Дай ему два совка галет и полбанки мяса. И немного теплой воды.

– Горацио – это собака? А где он? – спросил Бен.

– Возле дома. Знакомится с вашими собаками.

– Я хочу на него посмотреть...

– И я тоже!

– Погодите!

Но ребята уже выскочили в сад, не слыша протестов матери. В открытую дверь потянуло холодом. Джеффри закрыл ее и поднял чемодан Элфриды.

– Идем, – скомандовал он и зашагал по скрипучим деревянным ступеням.

Он показал ей комнату и ушел, притворив за собой дверь.

Элфрида села на кровать и только тогда почувствовала, что очень устала. Она зевнула во весь рот и оглядела комнату. Небольшая, но миленькая и очень уютная. Похожа на Серену. Белые стены, белые занавески, тростниковые коврики на полу. На комод из соснового дерева белая полотняная салфетка с кружевной оборкой. Деревянные крючки и набор разноцветных вешалок вместо гардероба. Поверх пухового одеяла синее бумажное покрывало, на сто-

лике возле кровати – книги, свежие журналы и розовая гортензия в синей керамической кружке.

Элфрида снова зевнула. Ну вот она и приехала. Не сбилась с пути, не попала в аварию. Машина не сломалась. И Джеффри встречал ее в конце проулка. Выскочил с обочины, словно разбойник, и замахал руками. Его так легко было узнать – высокого, худощавого, подвижного, несмотря на возраст. По всей видимости, он ни в чем не уступает своей молодой жене. И дети у них прелестные. А самое главное, выглядит вполне довольным. Он правильно сделал. Его прежняя жизнь исчерпала себя и закончилась, чего Элфрида всегда ему и желала.

Она посидела еще немного, потом встала, открыла чемодан и разложила на комод ее вещички. Комнатка сразу стала своей. Элфрида разделась, накинула халат и отправилась в маленькую ванную комнату, где понежилась немного в горячей ванне. Усталость как рукой сняло, и она радовалась предстоящему вечеру. Элфрида надела вельветовые брюки и шелковую блузу, собрала в саквояж подарки и пошла вниз, точно моряк, спускающийся на нижнюю палубу. На кухне дети ели сосиски, а Серена взбивала миксером белки. Увидев Элфриду, она улыбнулась.

– Джеффри ждет вас в гостиной, – сказала она. – Он затопил камин.

– Я могу чем-то помочь? Правда, готовить я не умею, но на чистке кастрюль собаку съела.

Серена засмеялась:

– Нет у меня грязных кастрюль.

– Я сегодня еще увижу Бена и Эми?

– Непременно. Они примут ванну и придут сказать спокойной ночи.

– Вода была чудесная. Я просто возродилась.

Бен спросил:

– Что такое – возродилась?

– Это значит помолодела.

– Что-то незаметно.

– Это потому, что я уже старая, – сказала Элфрида. – Обязательно приходи сказать спокойной ночи, у меня кое-что для тебя есть... – Она подняла саквояж. – Вот здесь.

– А можно посмотреть сейчас?

– Нет, сейчас нельзя, посмотришь позже, у камина. Пусть это будет наш рождественский чулок.

Элфрида нашла Джеффри в маленькой гостиной. Как всякий пожилой джентльмен, он сидел у камина и читал «Таймс». Увидев Элфриду, он отложил газету в сторону и осторожно поднялся – в этой комнате, неизвестно по какой причине, потолок был ниже, чем везде, и Джеффри явно опасался удариться головой об одну из белых балок. Это было бы особенно чувствительно для его загорелой лысины, вокруг которой опускались на воротник все еще черные волосы. Глаза были тоже темные, и, когда он смеялся, по худым щекам веером разбегались морщинки. На нем был синий свитер и красная бандана вместо галстука. Элфрида, которая всегда ценила мужскую красоту, с удовлетворением констатировала, что на кузена по-прежнему приятно посмотреть.

– Ты блестяще выглядишь, – сказал он.

– Хорошо отмылась. Как это чудесно – понежиться в ванне.

Она поставила на пол саквояж, опустилась в кресло по другую сторону камина и с одобрением огляделась. Знакомые картины на стенах, яркий огонь в камине, кувшины с засушенными травами, семейные фотографии в серебряных рамках, немного старинной мебели.

– У вас очаровательный дом.

– Это не моя заслуга, Элфрида. Все делала Серена. Выпьешь вина?

– С удовольствием! Здесь совсем другой мир, правда? Он так отличается от твоей прежней жизни. Дом в Кэмпдене, ежедневные утомительные поездки в Сити, официальные приемы, общение с нужными людьми...

Джефффри подал Элфриде бокал и опустился в свое широкое кресло. Их глаза встретились.

– Извини, – сказала она.

– За что?

– За бестактность. Ты же знаешь, я сначала говорю, а потом думаю.

– Ты права. Это был совсем другой мир, и я по нему не горюю. Погоня за деньгами, чудовищно дорогие школы для девочек. Званные обеды, для которых мы каждый раз нанимали дворецкого. Новый дизайн кухни, потому что супруги Харли Райт на другой стороне площади переделали свою и Доди не может от них отстать. Постоянная тревога: по какому курсу идут акции, что требуют страховые компании. И вечная угроза сокращения. Сколько ночей я не спал! А, собственно, во имя чего?

– Теперь все в порядке?

– В каком смысле?

– Материально.

– Да, все хорошо. Даже отлично. Зарабатываем мы не бог весть сколько, но нам хватает.

– А на что вы живете? Куры?

Джефффри засмеялся:

– На них не проживешь. Масса хлопот, а доход небольшой. Летом выручают туристы и отпускники: мы сдаем комнату – постель и завтрак, но, поскольку она одна, да и ванной отдельной нет, хорошую плату не возьмешь. Вот подумываем, не превратить ли заброшенное строение между нашим участком и соседней фермой в дополнительное помещение для приезжих, но это серьезная затея, и мы все никак не раскачаемся. Серена продолжает составлять букеты для свадеб и званых вечеров. Бен и Эми учатся в местной школе. Для меня это настоящее открытие – как просто, оказывается, можно жить!

– И счастливо?

– Счастливее не бывает.

– А Доди?

– У нее квартира неподалеку от «Херлингема»⁵, очень хорошая, с видом на реку. Никола развелась и живет с ней, так что они вынуждены терпеть друг друга.

– А ребенок Николы?

– Люси? Ей сейчас четырнадцать. Бедняжка, она тоже живет с ними. Я пытался пригласить ее пожить у нас, хотя бы временно, но Никола считает меня негодяем, а Серену ведьмой и отказывается отпускать к нам дочку.

Элфрида вздохнула. Она отлично понимала, насколько безнадежна ситуация.

– А как Кэрри? – спросила она.

– По-прежнему в Австрии. У нее хорошая работа в туристической компании. Она на ответственной должности.

– Вы встречаетесь?

– Когда я был в Лондоне последний раз, мы позавтракали вместе, но наши пути редко пересекаются.

– Она не замужем?

– Нет.

– Сюда приезжает?

⁵ «Херлингем» – лондонский элитный спортивный клуб.

– Нет. Говорит, что не хочет мешать, смущать Серену. Кэрри уже тридцать, она не ребенок. У нее своя жизнь. Если ей захочется приехать в Эмбло, достаточно поднять телефонную трубку, и она это знает. – Он замолчал, поставил стакан, закурил сигарету.

– Курить ты не бросил, – заметила Элфрида.

– И не собираюсь. Тебя это раздражает?

– Ничуть. Меня никогда ничто не раздражает.

– Выглядишь ты замечательно. Как поживаешь?

– Отлично.

– Не страдаешь от одиночества?

– Теперь стало легче.

– Жизнь обошлась с тобой жестоко.

– Ты о Джимбо? С ним она обошлась еще более жестоко, чем со мной. Что может быть хуже для замечательного, блестящего человека, чем медленное угасание. Но я ни о чем не сожалею, Джеффри. Мы с ним недолго жили вместе, но это было что-то особенное. Не многим выпадает такое счастье.

– Расскажи мне про свое новое пристанище.

– Дибтон? Обыкновенная скучная деревушка. Как раз то, что я хотела. Маленький коттедж, в нем жил какой-то железнодорожный рабочий, таких коттеджей там целая улочка. Больше мне ничего и не нужно.

– А люди приятные?

– Опять же, самые обыкновенные. Добрые, приветливые. Встретили меня вполне дружелюбно. Остаться в Лондоне я не могла.

– А какие-то близкие друзья появились?

Элфрида начала рассказывать ему о Фубистерах и Бобби Джонсе, о викарии и его жене, о пантомиме в воскресной школе. Потом поведала о миссис Дженнингс и Альберте Меддоузе, о сказочно богатом мистере Данне, о его закрытом плавательном бассейне и огромной оранжерее с огненно-красными геранями и фикусами. Завершали рассказ Бланделлы: Оскар, Глория и Франческа.

– Они и правда необыкновенно добры ко мне. Можно сказать, взяли под свое крыло. Глория богатая и щедрая. Она – владелица дома, в котором они живут. Он называется «Грейндж» и ужасно уродлив, но необыкновенно теплый и комфортабельный. Глория уже была прежде замужем, у нее два взрослых сына, а маленькая Франческа – девочка оригинальная, забавная и милая. Глория – очень гостеприимная хозяйка, постоянно устраивает приемы, пикники, дружеские вечеринки или собрания комитета. Она поклонница верховой езды и любит собирать большие компании и устраивать гонки. Багажник она превращает в бар, а к бамперу привязывает своих мопсов, которые лают на всех как сумасшедшие.

Джеффри явно нравился ее рассказ.

– А Оскару тоже нравятся такие развлечения?

– Не знаю. Но он мягкий, приветливый человек... очень обаятельный... Они с Франческой не отходят друг от друга, делают ставки на никому не известных лошадей и едят мороженое.

– А чем он занимается? Или он на пенсии?

– Он музыкант. Органист. Пианист. Преподаватель.

– Ты молодец, что подружилась с такой интересной парой. Они, конечно же, полюбили тебя, ты для всех как глоток свежего воздуха.

Но Элфрида поспешила добавить:

– И все же я не хочу, чтобы меня покорили и проглотили со всеми потрохами.

– Кому же не захочется тебя покорить!

– Ты не можешь судить объективно.

– Да, я всегда на твоей стороне.

Годы спустя, вспоминая те недели, что она провела в Эмбло, Элфрида отчетливее всего представляла себе гудение ветра. Он дул бесконечно, иногда веселым бризом, иногда грозно налетая на скалы, завывая в трубах, сотрясая двери и оконные стекла. Она скоро привыкла к нему, но по ночам не замечать его было невозможно, и она лежала в темноте, вслушиваясь, как он налетает из Атлантики, стремительно проносится по вересковой пустоши, заставляет ветви старой яблони, точно привидение, стучать в ее окно.

Лето кончилось – ветер не оставлял в этом сомнений. Октябрь перешел в ноябрь, и темнота с каждым вечером подступала все раньше. Фермерское стадо – красивые гернзейские дойные коровы каждый день месили грязь в проулке, направляясь с пастбища на утреннюю и вечернюю дойку. После вечерней они снова возвращались на пастбище и быстро отыскивали себе укрытие под стеной, огораживающей пастбище, или в зарослях дрока.

– Почему они не ночуют в хлеву? – поинтересовалась как-то Элфрида.

– У нас это не принято. Морозов здесь не бывает, и травы круглый год в достатке.

– Бедняжки. – Однако Элфрида не могла не признать, что бока у коров гладкие и вид вполне довольный.

Элфрида взяла на себя часть домашних дел и быстро приспособилась к их размеренному течению. Надо было то развесить белье, то погладить рубашки, то почистить овощи, то накормить кур и помыть яйца. Спустя неделю она с удивлением поняла, что за все семь дней не прочла ни одной газеты и ни разу не смотрела телевизор. Мир мог разлететься на кусочки, а Элфрида думала о том, не снять ли с веревки простыни, пока не полил дождь.

Иногда по вечерам она готовила ужин для Бена и Эми, чтобы Джеффри и Серена могли посидеть вдвоем в ресторане или сходить в кино. Она учила ребят играть в рамми⁶ и развлекала их рассказами о театре.

В одно из воскресений переменчивая погода обернулась необычайно теплым, почти весенним днем: ветер стих, с безоблачного неба сияло солнце. Такой день нельзя упустить, решила Серена, и, прихватив корзины со снедью и четверых соседских ребятишек, они отправились к скалам: шестеро ребятишек, трое взрослых и три собаки.

Эми с Элфридой шли рядышком, замыкая шествие. Тропинка поднялась по каменным ступеням и стала пробираться вниз меж кустами дрока и куманики. Элфрида углядела ежевику.

– Давай соберем, – предложила она Эми. – Сделаем ежевичное желе.

– Нет, – твердо заявила та. – Нельзя собирать ежевику, если уже начался октябрь, потому что как раз в это время корнуоллские ведьмы делают на нее «пи-пи».

– Как интересно! Откуда ты это знаешь?

– Нам учительница сказала. Только она сказала не «пи-пи», она сказала: они на нее мочатся.

Они вышли на обрыв, и перед ними во всю ширь открылся сказочно синий, сверкающий солнечными бликами океан. Тропинка совсем сузилась и круто пошла вниз, словно устремляясь в какую-то тайную пещеру. Прилив еще только начинался, песчаный берег лежал узким полукругом, и озерца между скалами сверкали, как драгоценные камни.

Первыми бесстрашно попрыгали вниз собаки, остальные участники экспедиции с определенными предосторожностями спустились или сползли вниз. Эми оставила Элфриду и побежала на песок к остальным ребятам: под руководством Джеффри они уже воздвигали гигантский песчаный замок, а Серена искала красивые раковины и голыши, чтобы украсить это величественное сооружение.

⁶ Рамми – вид карточной игры.

Теперь, в полдень, на солнышке стало так тепло, что Элфрида скинула куртку и закатала рукава свитера. На большом плоском камне были расстелены пледы, на них стояли корзины и сумки с провизией, и она сидела рядышком, любуясь бесконечно изменчивым морем, зачарованная его величиим и безбрежностью. Вода переливалась тончайшими оттенками и была так чиста, что захватывало дыхание: голубые, зеленые, бирюзовые, багряные струи, оттененные белым кружевом прибоя. Вдали поднимался тяжелый вал и, ощериваясь белыми бурунами, катился, набирал высоту и мощь и, наконец, разбивался о зазубренный гранитный берег, вздымаясь вверх огромными фонтанами шипящих брызг. Над головой кружили чайки, а вдали, у линии горизонта, маленькая рыбацья шхуна то поднималась на волну, то ныряла вниз.

Элфрида, словно загипнотизированная, не отводила глаз от моря. Время остановилось. Но вот к ней подошла Серена – пора раскладывать угощение. Из рюкзаков достали бутылки, пластиковые чашечки, бумажные салфетки, пакет с яблоками. В воздухе поплыл вкусный запах горячих пирожков, от которого слюнки текли. Элфрида ахнула:

– Когда же ты успела их испечь? На это уходит уйма времени.

– Я всегда держу их в морозилке про запас. Дети их очень любят.

– И я тоже.

– А вчера вечером вынула. У меня было предчувствие, что нас ждет хороший день. Что будешь пить – вино или пиво? Или, может, лимонад?

– Вино – это прекрасно!

Бутылка была холодной, а пластиковый стакан, как ни странно, придавал вину особенно изысканный вкус, такого Элфрида еще никогда не пила. Она снова повернулась к морю.

– Божественно.

– Летом мы сюда ходим чуть ли не каждые выходные. Теперь это не трудно – дети подросли и всю дорогу идут сами.

– Какая у вас счастливая семья!

– Да, – с улыбкой согласилась Серена. – Я это знаю. Нам повезло. Я действительно это понимаю, Элфрида. Честное слово! И каждый день благодарю тебя.

Время от времени Элфрида покидала Эмблю, уезжала в своей маленькой «фиесте» одна, оставляя Горацио в обществе овчарок Джеффри. Она не переставала удивляться: в этой глухомани жизнь представляла во всем своем разнообразии. Туристический сезон давно закончился, узкие извилистые дороги были пусты, и навстречу ей попадался разве что случайный автобус, фургончик мясника или трактор. Иногда за обширной пустошью дорога неожиданно спускалась в маленькую, поросшую рододендронами долину, где в садах все еще зеленела трава и рдели цветки фуксии, похожие на маленьких балерин.

Однажды Элфрида совершила поездку в соседний городок. Оставив машину на парковке, она углубилась в лабиринт переулков и переходов, которые вывели ее к порту. По дороге к нему расположились рестораны, сувенирные ларьки и много маленьких галерей, где были выставлены картины, скульптуры и другие предметы искусства. Элфрида обнаружила книжную лавку, зашла в нее и выбрала по книжке для Бена и Эми. Это было такое приятное занятие, что она продолжила его, имея в виду Франческу, и в результате купила для нее книжку в букинистическом отделе. Это был «Овечий остров» Джона Бакена, Элфрида вспомнила, как зачитывалась им в детстве. Оскар и Франческа наверняка будут читать эту книжку вместе, уютно устроившись в широком кресле у догорающего камина.

Покупки завернули, Элфрида заплатила и пошла дальше по улице. В лавке художественных изделий она выбрала два свитера ручной вязки с красивым орнаментом – один для Джеффри, другой для Серены. Купила открытки, бутылку вина и отправилась в обратный путь по лабиринту мощенных булыжником переулков, где сушилось на веревках белье, а в ящиках на подоконниках ярко пестрели настурции и розовые петунии. Но вот еще одна галерея. Элфрида

не могла не остановиться у витрины. Взгляд ее задержался на небольшой абстрактной картине в блеклой раме. Все цвета древней земли запечатлелись на этом полотне именно такими, какими их увидела она.

Элфриде ужасно захотелось купить картину – не для себя, а в подарок. Будь Джимбо жив, ему бы такая точно понравилась. Она представила себе, как приносит эту картину в его дом в Барнсе, где они были так счастливы, как он разворачивает бумагу, как на его лице отражается восторг...

Картина вдруг дрогнула и затуманилась. Элфрида поняла, что глаза наполнились слезами. Она не плакала, когда Джимбо умер, прятала скорбь и старалась научиться жить в холодном одиночестве. И считала, что научилась, но, оказывается, ошиблась. Наверное, она из тех женщин, которые не могут жить без мужчины, и тут уж ничего не поделаешь.

Слезы высохли. Смешно! Ей шестьдесят два года, а она распускает нюни, как какая-нибудь молоденькая девушка, потерявшая возлюбленного! И все же Элфрида не отходила от витрины, она все стояла и смотрела на картину. Ей хотелось разделить с кем-нибудь удовольствие. Кому-нибудь подарить ее.

Может, купить ее для Оскара Бланделла? Но ведь у Оскара есть Глория, и та будет озадачена таким подарком. Элфрида словно наяву услышала ее голос: «Элфрида! Это несерьезно! Это же всего лишь какие-то мазки. Четырехлетний ребенок и то нарисует лучше. И куда же ее повесить? Ты чудачка. Что это на тебя нашло? Потратила столько денег на такую ерунду. Тебя обворовали».

Нет, неудачная мысль. Элфрида неохотно отошла от витрины и пошла дальше. Улицы остались позади, она вышла на дорожку, зигзагами поднимавшуюся на вершину поросшего травой мыса, который делил берег пополам. Ветер разгулялся не на шутку, и, когда она добралась до плоской вершины, вокруг были только океан и небо, смыкавшиеся на горизонте изогнутой синей полоской. Как будто плывешь по морю. Она спустилась на берег, села, плотнее запахнула куртку и разложила вокруг пакеты и свертки, как какая-нибудь старуха-пенсионерка, уставшая от хождения по магазинам.

Но она не старуха. Она Элфрида. Она выжила и продолжала жить. Только вот ради чего?

Чайка спланировала сверху и опустилась у ее ног в поисках чего-нибудь съедобного. Глаза у птицы были холодные и жадные. Элфрида улыбнулась. Ей захотелось, чтобы кто-то был рядом с ней. Хорошо бы Оскар. Провел с ней здесь хотя бы один день, и по возвращении в Дибтон они смогли бы поговорить о ветре, море и чайке, вспомнить и подивиться волшебству вот таких мгновений.

Наверное, это хуже всего – когда не с кем разделить воспоминания.

Настал день отъезда. Элфрида поверить не могла, что провела в Эмбло целый месяц, так быстро пролетело время. Конечно же, все семейство уговаривало ее остаться.

– Живи сколько захочется, мы будем только рады, – говорила Серена, и Элфрида знала, что она искренна. – Ты замечательная. Мать, сестра и подруга в одном лице. Мы будем по тебе ужасно скучать.

– Серена, ты очень милая, но мне пора возвращаться к обычной жизни.

– Ты приедешь снова?

– Непременно!

Элфрида планировала выехать как можно раньше, чтобы добраться до дому еще засветло. В восемь утра она уже стояла у машины, а Джеффри грузил вещи. Все маленькое семейство собралось вокруг. Эми плакала.

– Не хочу, чтобы ты уезжала! Хочу, чтобы осталась! – твердила она.

– Гости не остаются навсегда, лапочка моя. Настало время уезжать.

Горацио так явно не считал. Каждый раз, когда его загоняли в машину, он выпрыгивал обратно. В конце концов его взяли за ошейник, посадили на заднее сиденье и захлопнули дверцу. Он смотрел в окошко: лохматая морда печально поникла, в черных глазах страдание.

– По-моему, он сейчас тоже заплачет, – заметил Бен.

Ни он, ни его сестричка не успели одеться и в резиновых сапогах и теплых куртках, надевших на пижамы, выглядели довольно забавно. Эми расплакалась еще пуще, когда ее братишка пожалел Горацио. Мать наклонилась, подхватила ее и прижала к себе.

– Не унывай, Эми. Как только машина отъедет, Горацио успокоится.

– Не хочу, чтобы они уезжали!

Расставание затягивалось. Элфрида повернулась к Джефффри.

– Дорогой, – сказала она, – я тебе очень, очень благодарна!

Он не успел побриться, щека была колючей.

– Серена!..

Быстро поцеловав ее, Элфрида провела ладонью по льняной головке Эми и, решительно усевшись за руль, включила зажигание.

Машина тронулась. Провожаящие стояли и махали руками, пока машина не скрылась из вида. Элфрида была уверена, что они не ушли в дом, пока ее маленькая «фиеста» не свернула на шоссе.

Нечего чувствовать себя одинокой и осиротевшей. Она простилась не навсегда, захочет – и снова приедет в Эмблэ. Через год, а может, и раньше. Джефффри и Серена всегда будут там, и Бен, и Эми тоже. Взрослые не изменятся, а вот Бен и Эми станут выше, тоньше или толще, озорнее, у них выпадут молочные зубы. Они никогда уже не будут малышами, которых она полюбила в этот период их жизни. Как и ее каникулы, он закончится.

Надо развеяться, развеселиться, а для этого следует смотреть вперед, причем с оптимизмом – это самый надежный способ избавиться от чувства утраты. Она едет домой, в свое гнездышко, к своим вещам. В маленькое скромное пристанище, которое делит с Горацио. Раскроет двери и окна, проверит, все ли благополучно в саду, разожжет камин.

А завтра, может быть, позвонит в Грейндж и поговорит с Глорией. Услышит радостные возгласы «Элфрида вернулась!» и настойчивые приглашения немедленно явиться к ним. И она возьмет с собой «Овечий остров», который купила для Франчески, и скажет: «Я выбрала для тебя эту книгу, потому что очень любила ее, когда была такая, как ты. Уверена, ты тоже ее полюбишь».

Надо купить по дороге что-нибудь съестное: перед отъездом она вымыла холодильник. Надо остановиться у мини-маркета миссис Дженнингс. Элфрида начала составлять в уме список. Хлеб, молоко. Сосиски, яйца, масло. Кофе. Печенье и несколько банок еды для Горацио. Может, какие-нибудь консервы себе на ужин. Что-нибудь калорийное, вроде супа с моллюсками.

Спустя полчаса Элфрида выехала на автостраду, что вела вглубь страны. Включила радио и приготовилась к долгой дороге.

Когда она въехала на главную улицу, часы дибтонской церкви показывали половину третьего. Возле мини-маркета миссис Дженнингс, как всегда, торчали хамоватые подростки, чуть дальше Бобби Бартон-Джонс подстригал свою живую изгородь. Мало что изменилось, разве что большая часть деревьев сбросила листву и в воздухе запахло зимой.

Элфрида остановила машину, взяла сумочку и направилась в магазин. Народу не было. Она взяла проволочную корзину и пошла вдоль полок. Потом к кассе, где миссис Дженнингс что-то подсчитывала на оборотной стороне конверта. Та явно не слышала, как Элфрида вошла.

Но теперь она подняла глаза, увидела Элфриду, положила ручку и сняла очки.

– Миссис Фиппс! Вот это сюрприз! Сколько же времени я вас не видела? Хорошо отдохнули?

– Замечательно. Только что вернулась. Еще не была дома – надо запастись кое-какой провизией. – Она поставила корзину перед кассой и потянулась за «Дейли телеграф». – Не поверите, целый месяц газету в руках не держала. И признаться, не чувствовала надобности.

Миссис Дженнингс, закусив губу, с тревогой смотрела на нее и молчала. Положив газету сверху корзины, Элфрида спросила:

– Что-нибудь случилось, миссис Дженнингс?

– А вы ничего не знаете?

У Элфриды вдруг пересохло во рту.

– Нет.

– Миссис Бланделл...

– Что с ней?

– Миссис Фиппс, она погибла. Большой грузовой фургон врезался в них на вираже у Падстона. Машина всмятку. Миссис Бланделл везла домой дочку с какого-то детского праздника. Четвертого ноября это случилось. Она не заметила фургон. Ужасный был вечер. Все время лил дождь. – Потрясенная Элфрида не могла вымолвить ни слова. – Простите, миссис Фиппс, я думала, вы знаете.

– Откуда? Газет я не читала. Никто не знал, где я. Я не оставила адреса.

– Такая трагедия, миссис Фиппс. Мы поверить не могли. Никто не мог поверить.

– А Франческа? – страхась ответа, спросила Элфрида.

– Она тоже погибла, миссис Фиппс. И две собачки на заднем сиденье. Их большую машину просто сплющило. У них не было ни малейшего шанса. Полицейские говорили: хорошо, что это случилось мгновенно. Они и подумать ни о чем не успели. – Голос у миссис Дженнингс дрогнул. – Мы нередко слышим о таких происшествиях, но когда это случается с твоими знакомыми...

– Да...

– Вы побелели как полотно, миссис Фиппс. Хотите, я приготовлю вам чая? Пойдемте ко мне в заднюю комнату.

– Спасибо, не надо, я в порядке. – Элфрида словно оцепенела. Она спросила: – А похороны?

– Два дня назад. Здесь, в деревне. Столько было народу! Вот горе-то!

Значит, она пропустила даже возможность проститься, оплакать.

– А Оскар? Как мистер Бланделл?

– Его я давно не видела. Только на похоронах. Бедный джентльмен. Даже думать невыносимо, что ему пришлось перенести. И каково ему сейчас.

Элфрида представила себе Франческу, как она смеется и поддразнивает отца, разыгрывает с ним дуэты на рояле, забирается к нему под бочок в большое кресло, чтобы вместе почитать книжку. И тут же изгнала из мыслей эту картинку – вспоминать было невыносимо.

– Он в Грейндже? – спросила Элфрида.

– Насколько я знаю, да. Наш посыльный возит ему молоко, газеты и прочее. Похоже, мистер Бланделл ушел в себя, отгородился ото всех. Естественно. Викарий пошел его навещать, но он даже викария не захотел видеть. Миссис Масвелл ходит в Грейндж каждый день, как раньше, она говорит, что он всегда в музыкальной комнате, не выходит оттуда. Она оставляет на кухонном столе поднос с ужином, но, говорит, он почти никогда до него не дотрагивается.

– Как вы думаете, он впустит меня?

– Откуда мне знать, миссис Фиппс. Хотя ведь вы были близкими друзьями...

– Я должна была быть здесь!

– Это не ваша вина, миссис Фиппс.

Кто-то вошел в магазин. Миссис Дженнингс снова нацепила на нос очки и постаралась придать себе деловой вид:

– Сейчас я все подсчитаю, хорошо? Рада, что вы вернулись, миссис Фиппс. Мы все тут по вам скучали. Очень сожалею, что расстроила вас. Простите.

– Нет, хорошо, что я узнала все именно от вас.

Элфрида вышла из магазина, села в машину и какое-то время сидела неподвижно. За один день ее жизнь раскололась надвое, и эти половины уже никогда не соединить. От смеха и счастья Эмбло она вернулась к утратам и невыносимой боли. Больше всего ее удручало, что она ничего не почувствовала, ничего не заподозрила. Почему-то это вселяло в нее чувство вины: как будто она отреклась, ушла от ответственности, сидела в Эмбло, когда надо было быть здесь. В Дибтоне. С Оскаром.

С тяжелым сердцем она завела машину и тронулась. Бобби Бартон-Джонс кончил подстригать изгородь и ушел в дом. И то слава богу – Элфриде не хотелось ни с кем разговаривать. Она проехала по главной улице мимо своего поворота, к большим воротам Грейнджа, по подъездной аллее. Перед ней открылся вычурный фасад дома; сбоку от парадной двери на площадке, посыпанной гравием, стоял большой черный лимузин.

Она припарковалась чуть поодаль, вышла и только тогда увидела, что на водительском месте лимузина сидит шофер в униформе и кепочке и читает газету. Услышав шаги, он бросил взгляд в окно и снова углубился в таблицу скачек. Элфрида поднялась по лестнице, прошла через открытую парадную дверь в знакомую, выложенную кафелем галерею. Застекленная сверху дверь была закрыта. Элфрида не стала звонить, она просто вошла в дом.

Там стояла полнейшая тишина, нарушаемая лишь тиканьем длинных настенных часов, отсчитывающих секунды. Элфрида постояла, надеясь услышать мирное домашнее позвякивание посуды из кухни или звуки музыки сверху. Ничего. Тишина душила, точно туман.

Дверь в гостиную была открыта. Элфрида пересекла холл – толстый ковер приглушал шаги – и вошла туда. Сначала ей показалось, что комната пуста, но потом она увидела, что у потухшего камина в кресле с подголовником сидит человек. Ноги в твидовых брюках, начищенные башмаки. Больше ничего не было видно.

– Оскар, – тихо произнесла Элфрида.

Она двинулась вперед, чтобы увидеть его, и испытала второе за этот день ужасное потрясение. Да, это был Оскар, но чудовищно постаревший, в очках, морщинистый, сгорбившийся в мягком кресле. Его шишковатые пальцы сжимали набалдашник трости из черного дерева. Элфрида инстинктивно зажала ладонью рот, чтобы не закричать.

Он поднял на нее глаза и воскликнул:

– Боже!

И такое облегчение вдруг охватило ее, что она испугалась: сейчас подогнутся ноги и она упадет. Она поспешно плюхнулась на кожаный табурет у каминной решетки. Они смотрели друг на друга. Он продолжал:

– Я не слышал, как вы вошли. Вы позвонили? Я немного глуховат, но звонок обычно слышу. Я бы подошел к двери...

Это не постаревший до неузнаваемости Оскар. Это другой человек, похожий на Оскара, но не он. Быть может, на двадцать лет старше, а то и больше. Старый джентльмен на девятом десятке, очень вежливый, говоривший с заметным шотландским акцентом. Его голос напомнил Элфриде любимого старого доктора, который лечил ее в детстве. Почему-то от этого ей стало легче с ним говорить.

– Нет, – сказала она. – Я не позвонила. Я просто вошла.

– Извините, что не встаю. Я точно оцепенел за эти дни, мне трудно двигаться. Мы не представились друг другу. Я – Гектор Маклеллан. Оскар мой племянник.

Гектор Маклеллан, который когда-то владел Корридейлом, а теперь живет в Лондоне. И чей сын Хьюи уехал на Барбадос.

Она сказала:

– Оскар рассказывал мне о вас.

– А вы кто, дорогая?

– Элфрида Фиппс. У меня тут домик в деревне. Я живу одна. Глория и Оскар были бесконечно добры ко мне. Извините, я подумала, что вы Оскар, и не сразу поняла свою ошибку.

– Оскар, постаревший от горя?

– Да. Понимаете ли, я еще не видела его. Я целый месяц гостила в Корнуолле у кузена. И только что узнала о том, что здесь случилось. Мне сказала миссис Дженнингс, хозяйка местного мини-маркета. Как это случилось?

Старик пожал плечами:

– Глория на вираже врезалась в фургон.

– Как же она его не заметила?

– Было очень темно и шел дождь.

– Миссис Дженнингс сказала, что Глория с Франческой были на детском празднике. Фейерверк и прочие забавы.

– Это так.

Элфрида закусил губу. Потом сказала:

– Иногда она сильно выпивала на вечеринках. – И тут же пожалела о своих словах.

Но лицо старого джентльмена не дрогнуло.

– Я знаю, моя дорогая. Мы все это знали. Иногда она немного перебарщивала. Особенно под конец какого-нибудь веселого вечера. Не могла остановиться. А потом садилась за руль. Оскар знал об этом лучше, чем любой из нас. Он страшно мучается, его терзает чувство вины: почему он не повез Франческу на этот праздник сам. Думаю, ему и в голову не приходит, что это был не только детский праздник и Глория не сразу повезла Франческу домой. Там были и другие родители, веселье продолжалось. Дождь начался как раз перед тем, как они выехали. А потом... Тяжелый автомобиль, мокрая дорога... – Он красноречиво повел рукой. – Все кончено. Они погибли.

– А я даже не была на похоронах.

– Я тоже. Подхватил простуду, и доктор запретил мне ехать. Конечно же, я послал телеграмму, поговорил с Оскаром по телефону, выразил ему мое глубочайшее сочувствие. Когда мы разговаривали, я понял, в какой он оказался ситуации, и потому, как только смог, поехал сюда. Я, конечно, старик, но все же его дядя. Вы, наверное, заметили у крыльца мою машину и шофера.

– Да. – Элфрида нахмурилась. – А о какой такой ситуации идет речь?

– В этом нет никакого секрета, дорогая. Глория оставила все, включая этот дом, своим сыновьям. На следующий день после похорон они заявили Оскару, что ему нельзя оставаться в этом доме, поскольку они намерены его продать.

– Где же он будет жить?

– Они предложили ему перебраться в дом престарелых – в Прайори. Привезли с собой брошюры. – Он добавил с мягкой иронией: – Они тщательно все продумали, это ясно.

– В дом престарелых? Оскара? Они сошли с ума!

– Нет. Не думаю, что они на самом деле безумны, просто алчны и бессердечны. К тому же существуют еще две маленькие жадные женушки.

– Значит, Оскару надо купить другой дом.

Гектор Маклеллан наклонил голову и поверх очков устремил взгляд на Элфриду.

– Он не богат. У него есть пенсия, ну и немного отложено, но этого недостаточно, чтобы купить в наши дни приличный дом, – цены поднялись.

– Сыновья Глории должны были знать об этом. Да и сама она тоже. Могла бы хоть что-то оставить Оскару. Ведь она была такая щедрая, всем старалась помочь.

– Может быть, Глория и собиралась для него что-то сделать. Но, по всей вероятности, у нее и в мыслях не было, что она может умереть раньше Оскара. А может, просто не удосужилась написать новое завещание или хотя бы сделать дополнение. Мы этого уже не узнаем.

– Но Оскар не может жить в доме престарелых! – Даже предположить такое казалось Элфриде оскорбительным: неужели Оскар обречен доживать свой век среди страдающих недержанием мочи старцев, есть молочные пудинги и плести корзины?! Уж кто-кто, а он такого не заслуживает. У Элфриды было довольно смутное представление о доме престарелых, но она твердо сказала: – Я этого не допущу.

– И что же вы сделаете?

– Он может поселиться у меня. – Элфрида понимала, что это нереально. В ее домике на Пултонс-роу и одной-то тесновато, о двоих и говорить нечего. И куда она поставит его рояль? На крышу или в сарай в саду? Глупо. Нет, это невозможно.

– Думаю, – сказал старый джентльмен, – Оскар должен уехать отсюда. Этот дом, эта деревня полны мучительных воспоминаний. Он должен освободиться от них. Затем я и приехал сюда сегодня. Миссис Масвелл покормила нас. Я высказал мои соображения. Но он, похоже, не в состоянии принять какое-то решение. Кажется, ему совершенно безразлично, что происходит.

– Где он сейчас?

– Его позвали в сад. Какие-то проблемы с оранжереей, с отопительной системой. Я сказал, что дожусь его, потом уеду в Лондон. Вот почему вы застали меня здесь, в кресле моего племянника... сидит эдакий старый вурдалак.

– Вы совсем не похожи на старого вурдалака. А что вы ему посоветовали?

– Чтобы он хотя бы на какое-то время уехал в Сазерленд. В Криган, в так называемую Старую усадьбу. Как-никак половина ее принадлежит ему, а мой сын Хьюи, который является совладельцем, живет на Барбадосе и, похоже, там и останется.

– Я слышала, дом кому-то сдан. Там кто-то живет.

– Нет. В данный момент он пуст. Его занимала пожилая супружеская пара – Кочрейны, но муж умер, и жена уехала к дочери. Я узнал об этом от нашего бывшего управляющего имением, майора Билликлифа. Он теперь ушел на пенсию, но по-прежнему живет в поместье Корридейл. Когда Хьюи устроил большую распродажу, он купил коттедж в парке. Я ему позвонил, и мы долго говорили. Он сказал, что дом в хорошем состоянии, может, только стоит немного подкрасить его, но он крепкий и сухой.

– Мебель там есть?

– Да. Никакой роскоши, но все необходимое.

Сазерленд. Элфрида представила себе торфяные болота и овец. Далеко, как до луны.

– Это неблизкий путь для Оскара, если он поедет один, – сказала она.

– И в Корридейле, и в Кригане его знают. Он член семьи, внук своей бабушки, мой племянник. Люди там радушные. Его вспомнят, хотя он и не был там пятьдесят лет.

– Но сможет ли он вырвать себя из привычной среды? Совершить такой резкий поворот? Почему бы ему не вернуться в Лондон, не поселиться где-то рядом с церковью, где он был органистом? Не будет ли это более разумно?

– Это возврат к прошлому. И, я думаю, его будут преследовать воспоминания о девочке.

– Да, вы правы.

– А что печальнее всего, он бросил музыку. Как будто умерла его лучшая часть.

– Чем я могу помочь?

– Это вам решать. Быть может, советом. Мягко, не настаивая.

– Я постараюсь, – сказала Элфрида и тут же подумала: но где же мне найти силы?

Они смолкли, печально глядя друг на друга. Тишина была нарушена звуком шагов по гравии. Элфрида подняла голову и увидела Оскара – он проходил мимо длинного окна. И тут же занервничала. Вскочила на ноги.

– Он идет! – прошептала она.

Входная дверь открылась и закрылась. Они ждали. Затем повернулась ручка двери в гостиную, дверь распахнулась, и Оскар остановился на пороге, глядя на них. Он был в вельветовых брюках и толстом теплом свитере в крапинку. Густая седая прядь упала на лоб, и он отвел ее рукой. Она ожидала увидеть его другим: может быть, сломленным происшедшей трагедией. Но разбитое сердце не увидишь, а Оскар умел скрывать свои чувства.

– Элфрида. Я понял, что вы приехали, – увидел вашу машину.

Она подошла поздороваться. Он взял ее руки в свои, наклонился и поцеловал в щеку. Губы у него были ледяные. Она посмотрела ему в глаза:

– Дорогой Оскар. Я снова дома.

– Как давно вы здесь?

– Минут пятнадцать. Выхала из Корнуолла сегодня утром. Я зашла в магазин к миссис Дженнингс, и она мне все рассказала. Я ничего не знала. Целый месяц не читала газет. От нее я поехала прямо сюда и вот познакомилась с вашим дядюшкой.

– Я вижу. – Он выпустил ее руки и повернулся к Гектору, который, сидя в кресле, наблюдал их встречу. – Извини, Гектор, что заставил тебя ждать. Там какие-то неполадки, надо что-то делать с выключателем. Вижу, Элфрида составила тебе компанию.

– И очень приятную. Однако мне пора ехать обратно.

Старый джентльмен оперся на свою трость и попытался подняться с кресла. Оскар подошел и помог ему встать. Гектор медленно двинулся через гостиную, потом через холл. Оскар подал ему старомодное пальто и старую мягкую фетровую шляпу. Тот небрежно нахлобучил ее.

– Хорошо, что ты приехал, Гектор. Я очень тронут. Рад был повидать тебя.

– Милый мой мальчик! Спасибо за ланч. Случится быть в Лондоне, обязательно загляни.

– Конечно загляну.

– И подумай над моим предложением. По крайней мере, это даст тебе передышку. Ты не должен оставаться здесь. – Гектор пошарил в кармане пальто. – Чуть было не забыл. Записал для тебя телефон Билликлифа. Все, что тебе нужно будет сделать, – это позвонить ему, ключ от твоего дома у него. – Пожилой джентльмен извлек из кармана сложенную бумажку и протянул Оскару. – Только не откладывай звонок на поздний час, – добавил он и подмигнул слезящимся глазом, – майор Билликлиф имеет привычку прикладываться к бутылке виски и к вечеру уже почти ничего не соображает.

Элфриду интересовали куда более практические вопросы.

– Как давно дом пустует?

– Месяца два. Но там есть некая миссис Снид, она приходит убирать и проветривать помещение. Это устроил Билликлиф, а я плачу ей жалованье.

– Похоже, вы обо всем позаботились, – сказала Элфрида.

– Не так уж много у меня осталось забот. Ну что ж, мне и правда пора. До свидания, дорогая. Мне было очень приятно познакомиться с вами. Надеюсь, мы еще встретимся.

– И я тоже надеюсь. Мы проводим вас до машины.

Оскар взял Гектора под руку, они проследовали через парадное и спустились с лестницы. Похолодало, начал моросить мелкий дождь. Заметив их, шофер вышел из машины, обошел вокруг и открыл дверцу. Общими усилиями Гектора устроили на сиденье и пристегнули ремнем безопасности.

– До свидания, дорогой мой мальчик. Мысленно я с тобой.

Оскар обнял старика.

- Еще раз спасибо тебе, Гектор, что приехал.
- Надеюсь, мне удалось хоть немного поддержать тебя.

Оскар отступил назад и захлопнул дверцу. Машина тронулась. Гектор помахал скрюченной старческой ладонью. Оскар и Элфрида стояли, глядя вслед неспешно удалявшейся в сторону Лондона машине.

Наступившую тишину нарушали только крики грачей. Было холодно и сыро. Элфрида поежилась. Оскар сказал:

- Пойдемте в дом.
- Может, мне лучше уехать?
- Нет, останьтесь.
- Миссис Масвелл в доме?
- Нет. Она уходит после ланча.
- Хотите, я приготовлю нам чай?
- Пожалуй.
- А можно взять в дом Горацио? Он весь день просидел в закрытой машине.
- Ну конечно. Теперь ему некого опасаться. Мопсы на него не накинутся.

«О боже!» – подумала Элфрида. Она подошла к своей «фиесте» и выпустила Горацио. Он радостно выскочил и стрелой понесся по газону к ближайшему лавровому дереву, потом, как положено, поскреб немного землю и вернулся к ним. Оскар нагнулся, ласково погладил пса по голове, и они направились к дому. Просторная кухня Глории, в которой всегда стоял дым коромыслом, теперь казалась пустой и непривычно прибранной, но там было тепло. Миссис Масвелл оставила на столе только поднос с единственной кружкой, кувшинчик с молоком и коробку печенья.

Элфрида нашла чайник, налила воду и поставила на плиту. Она повернулась к Оскару – он сидел, прислонясь спиной к теплой печке.

– Я хотела бы найти для вас нужные слова, но не умею, Оскар. Простите меня. Я очень сожалею, что ни о чем не знала. Я тут же приехала бы из Корнуолла. И успела хотя бы на похороны.

Он передвинул стул к кухонному столу, оперся локтями о стол и спрятал лицо в ладонях. На какое-то мгновение ей показалось, что он плачет, и она испугалась. Она слышала свой голос как бы со стороны.

– Сама не знаю почему, но за целый месяц я ни разу даже не заглянула в газету. Никакого предчувствия. Пока сегодня...

Оскар медленно отнял от лица ладони, и она увидела, что он не плачет, но в глазах была такая боль, что уж лучше бы он плакал. Он сказал:

- Я бы сообщил вам, но не имел ни малейшего представления, где вы.
- Мне и в голову не приходило, что вам понадобится мой адрес. – Элфрида глубоко вздохнула. – Оскар, я хорошо знаю, что это такое – терять близких. Все то время, что Джимбо болел, я знала, что это конец, что он никогда не поправится. Но когда он умер, оказалось, что я совершенно не готова к чудовищной боли и страшной пустоте. Я знаю: то, что я пережила тогда, всего лишь малая крупица того, что предстоит выстрадать вам. И я ничего не могу сделать, я ничем не могу вам помочь, не могу облегчить вам эту боль.

- Вы здесь...
- Если вы хотите поговорить, я готова слушать.
- Еще не сейчас.
- Знаю. Слишком рано. Слишком скоро.

– Викарий пришел ко мне почти сразу после того, как это случилось. Мне только что сообщили, что Глория и Франческа погибли. Он старался успокоить меня и все говорил о Боге, а я думал: неужели он совсем лишен человеческих чувств? Вы как-то спросили меня,

религиозен ли я, и я понял, что не могу ответить на ваш вопрос. Я только знал, что музыка и моя работа, мой хор значат для меня больше, чем любая церковная догма. Те Deum. Помните тот день, когда мы впервые встретились у церкви, и вы сказали, что вам особенно понравилось исполнение «Те Deum»? Слова и мелодия наполняли меня верой в добро и, быть может, в вечность.

Тебя, Бога, хвалим. Тебя, Господи, исповедуем.
Тебя, Отца Вечного, вся земля величает.

Под мощные звуки органа, слыша мальчишечьи голоса, взмывающие вверх, я воистину верил и думал, что мою веру ничто не сможет поколебать.

Он смолк. Элфрида не сразу осмелилась спросить:

– А теперь?

– Все это дела Божьи. Но я не могу верить в Бога, который забрал у меня Франческу. Я отослал викария домой. Кажется, он обиделся.

– Бедняга!

– Переживет, можете не сомневаться. Вода закипела.

И очень кстати. Элфрида отыскала заварочный чайник, насыпала в него чая, залила кипятком. Взяла еще одну кружку, для себя, отнесла все на стол и села напротив Оскара. Вот так же они сидели в тот день – вечность тому назад – накануне ее отъезда в Корнуолл в домике на Пултонс-роу.

– Кажется, вы любите крепкий чай?

– Да.

Она налила себе и оставила чайник настаиваться.

– Гектор рассказал мне о ваших пасынках и о их намерении продать дом.

– Они считают, что я должен перебраться в дом престарелых Прайори. Это викторианская усадьба, где устроили приют для немощных джентльменов.

– А вы этого не хотите?

– Признаюсь, нет.

– Что же вы намерены делать?

– Я хотел бы остаться один, зализывать раны. Но только не здесь. Джайлз и Кроуфорд хотят, чтобы я как можно скорее убрался отсюда, спешат выставить дом на продажу.

– Твари! – Элфрида налила в кружку черного, как чернила, чая и подвинула ее Оскару. Он плеснул туда немного молока и отхлебнул. Она сказала: – Гектор Маклеллан рассказал мне о том, что предлагает вам. По-моему, это неплохая идея.

– Элфрида, это безумие.

– Но почему?

– Потому что Сазерленд на другом конце страны, и я не был там пятьдесят лет. Гектор – оптимист, но я не знаю там ни единой души. Дом наверняка почти пуст, там уже давно никто не живет. Я даже не представляю, с чего начать, как обживать этот дом. И к кому же я обращусь?

– К миссис Снид.

– Элфрида!

Это был упрек, но она стояла на своем.

– Дом стоит на отшибе?

– Нет, в центре Кригана, маленького городка.

Элфрида нашла, что это вполне подходит.

– Неужели он так плох? – спросила она.

– Нет. Просто большой, квадратный, ничем не примечательный викторианский жилой дом. Не такой уж уродливый, но и не отличающийся особой красотой. При нем есть сад. Но какая от него радость в середине зимы?

– Зима когда-нибудь кончится, – заметила Элфрида.

– Не представляю, что мне там делать? Чем занять себя?

– Ясно одно: вы не можете остаться здесь. И в дом престарелых я вас не отпущу. Значит, надо рассмотреть любую подходящую альтернативу. Вы могли бы переехать ко мне на Пултонс-роу, но там даже нам с Горацио едва хватает места – уж слишком маленький коттедж. – (Оскар никак не прокомментировал эти слова.) – Я предположила, что вы захотите вернуться в Лондон, но Гектор со мной не согласился.

– Он прав.

– Шотландия, – размышляла Элфрида. – Сазерленд. Это все-таки начало чего-то нового.

– Мне шестьдесят семь лет, и я не в той форме, чтобы что-либо начинать. Но хотя мне тяжело даже разговаривать с людьми, я все же боюсь остаться в полном одиночестве. До того как я женился на Глории, рядом всегда были мои коллеги, хористы, ученики... У меня была полная жизнь.

– Она снова может стать такой.

– Нет.

– Может. Конечно, не такой, как была, это понятно. Но вам еще есть что дать людям. В вас столько теплоты, душевности, благородства. Мы не должны тратить это попусту.

Он нахмурился:

– Вы сказали «мы»?

– Я оговорила. Я имела в виду «вы».

Оскар допил чай, потянулся к заварочному чайнику и налил себе еще.

– Допустим, я поеду в Шотландию. Но это так далеко.

– Есть самолеты, поезда.

– Я предпочел бы ехать на своей машине.

– Значит, поедете на машине. Спешить вам некуда. С остановками...

Голос Элфриды начал стихать, и она не смогла закончить фразу. Она представила себе, как Оскар один едет в неведомые места, и всем своим существом ощутила это беспросветное одиночество. Глория всегда ездилась рядом с ним и сменяла за рулем. На заднем сиденье сидела Франческа и болтала всю дорогу. Тявкали мопсы, в воскресные дни в багажнике лежали сумки с клюшками для гольфа и удочки... Больше этого никогда не будет.

Оскар накрыл ее руку ладонью:

– Вы должны быть мужественной, Элфрида, иначе я рухну.

– Я стараюсь. Но как же вы? Это невыносимо...

– Давайте обсудим вашу идею. Допустим, я поеду в Шотландию, в Сазерленд. Вы поедете со мной?

Она молчала, пристально глядя на него. Действительно ли он сделал ей это невероятное предложение, или же, в смятении и печали, она это просто вообразила?

– С вами?

– Почему бы и нет? Разве это плохая идея? Возьмем ключ у майора Билликлифа, отыщем мой дом, проведем там зиму.

– А как же Рождество?

– Никакого Рождества. Не в этом году. Но разве это так уж плохо? Сазерленд далеко на севере, дни там короткие, а ночи длинные и темные, и я, скорее всего, буду не самым веселым компаньоном. Но может быть, к весне сил у меня прибавится. Пройдет время. Здесь, вы правы, у меня нет будущего. Джайлз и Кроуфорд хотят заполучить этот дом, и я должен его отдать. Как можно скорее.

– А мой дом, Оскар? Что мне делать с моим маленьким коттеджем?

– Сдайте его. Или заприте. Ничего с ним не случится. Соседи за ним присмотрят.

Значит, он говорил серьезно. Он звал ее уехать с ним. Он нуждался в ней. В ней, Элфриде. Эксцентричной, неорганизованной, чуть-чуть беспутной, теперь уже немолодой и некрасивой.

– Оскар, я не уверена, что вы делаете правильную ставку.

– Вы недооцениваете себя, Элфрида. Прошу вас, поедemте со мной. Помогите мне.

«Чем я могу помочь?» – спрашивала она Гектора, когда они поджидали Оскара. Сейчас сам Оскар ответил на этот вопрос.

Элфрида всегда была импульсивна. Всю жизнь она принимала решения, не задумываясь о будущем, и ни разу ни о чем не пожалела. Разве что об упущенных возможностях, когда она вдруг робела и теряла свой шанс.

Она глубоко вздохнула.

– Хорошо, – сказала она. – Я еду.

– Дорогая моя...

– Я поеду ради вас, Оскар, но это и мой долг перед Глорией. Никогда не забуду, как она встретила меня, с какой добротой и радушием. Вы, Глория и Франческа стали моими первыми друзьями в Дибтоне...

– Продолжайте...

– Мне стыдно... Мы все обсудили, а я только сейчас произнесла их имена. В Корнуолле я много о вас рассказывала. Обо всех вас. О том, как вы были добры ко мне. Когда я ездила в прибрежный городок, то прошлась по магазинчикам на набережной. Купила Франческе книжку, а для вас присмотрела картину, но подумала, что Глории она не понравится.

– А мне бы понравилась?

– Не знаю... – В горле застрял ком. Она заплакала, и теплые слезы, катившиеся по щекам, как ни странно, принесли ей облегчение. Старые люди, сказала она себе, выглядят ужасно, когда плачут, и стала смахивать слезы пальцами. – Я однажды была в Шотландии. Много лет назад, в Глазго. С театральной труппой. Принимали нас очень хорошо, и все время шел дождь... – Она пошарила в рукаве, достала носовой платок и высморкалась. – И я не понимала ни единого слова, когда мне что-то говорили.

– Это же *глазгеанцы*.

– Тогда мне было не смешно.

– Да и сейчас не смешно, но вы всегда вызываете у меня улыбку.

– Как клоун?

– Нет, как милый и занятный друг.

2. Сэм

Ранним декабрьским утром, в пятницу, еще затемно, Сэм Ховард вкатил тележку с багажом в зал прибытия аэропорта Хитроу. За ограждением, как всегда, толпились встречающие: пожилые супружеские пары, юноши в спортивных костюмах, усталые матери с детьми, а также шоферы в униформе, ожидающие «Очень Важных Гостей», к которым Сэм не имел отношения. Еще здесь были люди, которые держали в руках плакатики с загадочными надписями вроде: «Ждем мистера Уилсона» или «Союз объединенных рабочих Абдул Азиза».

Сэма никто не встречал. У него не было ни жены, ни личного шофера. Он знал, что за стенами жарко натопленного терминала очень холодно. Их предупредили об этом еще на борту самолета, да и встречающие были тепло одеты: в куртках, в перчатках, с шарфами на шее, на головах – вязанные шапки.

В Нью-Йорке тоже стоял бодрящий морозец. С Ист-Ривер дул порывистый ветер, а флаги словно застыли в одностороннем движении.

На его тележке неуклюже громоздились два чемодана, огромная сумка с принадлежностями для гольфа и портфель. Сэм направил тележку к автоматическим дверям и очутился во тьме холодного и сырого зимнего английского утра. Он встал в очередь на такси. Ждать пришлось минут пять-шесть, но этого хватило, чтобы ноги у него заledenели. Машина была почему-то раскрашена под газетные полосы, а шофер, человек с большими моржовыми усами, казался угрюмым. «Хорошо, что не болтун», – подумал Сэм. Он был не в настроении разговаривать.

– Куда едем?

– В Уондсворт, пожалуйста. Юго-запад, Семнадцатый район. Бьюли-роуд, четырнадцать.

– Понял.

Шофер не потрудился помочь с вещами, решив, очевидно, что пассажир достаточно молод и силен. Сэм втиснул в багажник чемоданы, поставил сумку с клюшками на пол машины, откатил тележку подальше, чтобы другим не мешала, и, наконец сев, хлопнул дверцей. Дворники заметались по стеклу, такси двинулось с места.

Сэм замерз, хотя и ждал недолго. Он поднял воротник синего пальто, поглубже вдавился в грязноватое, в пятнах, сиденье и зевнул, ощущая усталость и нечистоту во всем теле. Он летел в спянной мужской компании бизнесменов. Перед посадкой все они по очереди незаметно исчезали в туалет, чтобы умыться, побриться, завязать заново галстук и вообще освежиться. Очевидно, этим бедолагам предстояли ранние деловые встречи. Сэму такая перспектива не грозила, и он был очень рад, что первое деловое свидание назначено на двенадцать тридцать в понедельник. Ему предстояло явиться в ресторан «Уайт» на ланч со своим непосредственным боссом, сэром Дэвидом Суинфилдом, президентом фирмы «Старрок энд Суинфилд». До этой встречи можно располагать временем как угодно.

Сэм снова зевнул и провел рукой по подбородку. Наверное, следовало побриться, подумал он, я выгляжу как бродяга в этом толстом свитере, старых джинсах и широких туфлях типа сабо. Было такое ощущение, будто глаза засорило песком, но он сам виноват: не спал всю ночь, читал в самолете книгу. К тому же его слегка мутило: в два часа ночи по здешнему времени он очень плотно пообедал.

Такси остановилось на красный свет. Шофер бросил через плечо:

– Отдыхали?

– Нет.

– А я смотрю, клюшки у вас...

– Нет, я не отдыхать ездил.

– По делам, значит?

– Можно сказать и так. Я шесть лет проработал в Нью-Йорке.

– Вот это да. И как вам тамошняя суета?

– Нормально. К этому привыкаешь.

Пошел дождь.

– Не очень-то приятное утро для возвращения домой.

Зажегся зеленый. Они снова тронулись с места.

– Да, – согласился Сэм. Но не добавил: «А я вернулся не домой». Сейчас у него не было дома, как и полагается бродяге. Впервые в жизни, а ему исполнилось уже тридцать восемь, у него не было крыши над головой.

Он угрюмо скрючился в углу и начал вспоминать все дома, где ему довелось жить. Сначала была усадьба Рэдли-Хилл в Йоркшире, где он родился и вырос, единственный ребенок в семье. Большой, основательный, удобный дом, где пахло дымом очага, весенними цветами и свежее испеченной сдобой.

При доме было четыре акра земли с теннисным кортом и небольшим леском, где в осенние вечера, с ружьем в руке, он ждал, когда со жнивья налетят голуби. Он возвращался в Рэдли-Хилл из начальной школы, приезжал из частного пансиона на каникулы в компании кого-нибудь из приятелей. То было место уютное, как старый твидовый пиджак, и Сэму казалось, что ничего никогда не изменится. Но, конечно, изменилось. В последний год его учебы в Ньюкаслском университете умерла мать, и уже ничто не было прежним.

Семья владела небольшой фабрикой шерстяных тканей в маленьком йоркширском городке. Сэм поначалу планировал расправить крылышки и, возможно, поискать какую-нибудь работенку за пределами Англии, но после смерти матери у него не хватило духу оставить отца в одиночестве. С дипломом инженера в кармане он вернулся домой, на фабрику. Несколько лет отец и сын удачно справлялись с делом, и оно давало прибыль, а затем фабрика, выпускавшая тонкие сукна и легкие твидовые ткани, столкнулась с конкуренцией более технологически совершенного производства. В Англию хлынул поток дешевого импорта из Европы. Возникли финансовые проблемы. В результате на сцене появился мощный лондонский текстильный концерн «Старрок энд Суинфилд» и поглотил маленькую фабрику. Сэм получил место под новой вывеской, а отец был уже не в том возрасте, чтобы осваивать новые методы производства. Он раньше времени ушел в отставку, копался в саду, время от времени играл в гольф. Это не спасало от одиночества, скуки и бездеятельности, и через год он умер от обширного инфаркта.

Рэдли-Хилл был завещан Сэму. С болью в душе он выставил его на продажу. Тогда это казалось наиболее разумным поступком, ведь он уже осел в Лондоне, трудясь на компанию «Старрок энд Суинфилд» и постигая премудрости брокерского дела в торговле шерстью. На деньги, вырученные от продажи Рэдли-Хилл, Сэм приобрел квартиру с садом в Ил-Парк-Коммон, так близко от метро, что по ночам до него доносился шум поездов. Однако в крошечном садике по вечерам иногда гостило солнце, и, после того как он перевез часть наименее громоздкой мебели из йоркширского дома, квартира стала казаться привычной и уютной. Сэм вел беззаботную веселую холостяцкую жизнь, и в его воспоминаниях квартира осталась согретой теплом солнца и дружбы. Он устраивал бесконечные вечеринки экспромтом, комнаты заполнялись гостями, и в конце концов все высыпало на террасу. Запомнились и шумные зимние уик-энды, когда старые друзья с севера приезжали на футбольные матчи. А разве можно забыть любовные интрижки! Сэм как раз в муках переживал одну из драм, когда вдруг получил повеление сэра Дэвида Суинфилда явиться в главный офис и здесь, в престижных деловых апартаментах на самом высоком этаже здания, вздымавшегося над лондонским Сити, узнал, что его направляют на службу в Нью-Йорк. Глава нью-йоркского отделения концерна Майк Пассано запрашивал не кого-нибудь, а именно Сэма. Это означало повышение в должности, большую ответственность и прибавку к жалованью. «У вас нет причин не ехать, Сэм», – услышал он приговор.

Он ответил: «Да, сэр». Причин не ехать действительно не существовало – никаких семейных уз, ни жены, ни детей. Наоборот, это был шанс, которого Сэм подсознательно жаждал со времен окончания университета. Новая работа. Новый город. Новая страна. Новая жизнь.

Сэм пригласил тогдашнюю возлюбленную пообедать и попытался объяснить причины отъезда. Она всплакнула и сказала, что, если он хочет, готова поехать с ним. Сэм был уверен, что как раз этого и не хочет. Чувствуя себя подонком, он так и сказал ей, и она еще немного поплакала. Когда подошло время расставаться, он усадил ее в такси и больше никогда не видел.

Столь же немилосердно Сэм расстался и с имуществом. Кончался большой отрезок его жизни, и он не имел ни малейшего представления о том, когда вернется в Лондон снова, да и вернется ли вообще. Поэтому он продал автомобиль и квартиру, оставив и сдав на хранение лишь несколько любимых картин, книг и кое-что из мебели. В офисе он освободил от своих принадлежностей письменный стол. Кто-то устроил прощальную вечеринку, и Сэм сказал «до свиданья» всем друзьям.

«Не оставайся там надолго», «Возвращайся поскорее», – говорили они.

Однако, попав в Нью-Йорк, Сэм был сразу же покорен. Он чувствовал себя там как рыба в воде и наслаждался каждой минутой жизни в этом бурлящем энергией космополитическом плавильном котле. Обосновался Сэм в Гринвич-Виллидж, но, когда женился на Деборе, она уговорила его переехать, и они поселились в модной двухуровневой квартире на Восточной Семидесятой улице. Сэму всегда нравилось устраиваться на новом месте, знакомиться со всеми его закоулками, что-то перекрашивать, расставлять заново мебель и развешивать картины, однако Деборе не улыбалась мысль перевозить старые вещи из Гринвич-Виллидж в прекрасную новую квартиру. Она и дизайнера по интерьеру уже пригласила, а тот не вынес бы, если бы старый продавленный кожаный диван нарушил его до малейшей детали продуманный замысел. Последовало несколько мелких стычек, и Сэм, как обычно, уступил. К тому же он был только рад поставить диван в каморке, где держал компьютер и факс. Тот отлично вписался в рабочую обстановку, и иногда, по выходным, когда Дебора считала, что ее муж занят сверхсрочной работой, Сэм возлежал на старом диване и смотрел по телевизору футбол.

Его дома... Квартира на Восточной Семидесятой была для Сэма последним домом, и его он тоже потерял, а заодно и Дебору.

Она не отличалась нерешительностью, поэтому так и сказала ему прямо в лицо, что уходит. Ей надоело играть вторую скрипку, так как на первом месте в его жизни – компания «Старрок энд Суинфилд». Она устала быть женой трудоголика. И разумеется, у нее есть другой мужчина. Когда она назвала его имя, Сэм был не просто потрясен, он даже испугался за Дебору и ее будущее. Он сказал ей об этом, но она осталась непреклонна. Слишком поздно. Она приняла решение, и ее не переубедить. Сэм рвал и метал. Он был сбит с толку и унижен. «Рогатый муж», вспомнилось ему старомодное выражение. «Я рогат. Мне наставили рога».

И все же до известной степени он Дебору понимал.

В офисе его встретили уклончивые взгляды и сочувственные выражения лиц. Некоторые из сослуживцев были, пожалуй, даже чересчур внимательны. Они похлопывали Сэма по плечу и заверяли в своей неизменной дружбе. Но были и другие, например Лайми, который поглядывал на него с ухмылкой, словно кот, который дорвался до хозяйских сливок. И Сэма вдруг осенило: а ведь все эти люди, наверное, давно были в курсе его семейных дел, он же, как и положено главному персонажу мелодрамы, обо всем узнал последним.

Днем появился Майк Пассано. Он скользнул в открытую дверь и уселся на краешек стола. Они немного поговорили о текущих делах, а потом Майк сказал:

- Сочувствую. Я имею в виду Дебби...
- Спасибо.
- Хорошо, что у вас нет детей. Меньше проблем.
- Да.

- Если захочешь, приезжай как-нибудь вечером, поужинаем вместе.
- Я в порядке, Майк.
- Ладно. Хорошо. Но предложение остается в силе.

Полтора месяца Сэм трудился не покладая рук. Он пользовался малейшим предложением, чтобы задержаться на работе, и возвращался в пустую квартиру, где его никто не ждал с ужином. Иногда заскакивал в бар, заказывал сэндвич и порцию виски. Или две порции. У него началась бессонница, а днем нападало нервическое беспокойство. Вся жизнь пошла под откос.

Майк Пассано посоветовал ему взять отпуск, но как раз этого Сэм желал меньше всего. Однако постепенно он стал ощущать, что, пожалуй, Нью-Йорка с него достаточно. Ему захотелось в Англию. Домой. Снова увидеть английские туманные небеса, неяркую зелень полей. Пить теплое пиво и ездить на красных автобусах.

Однажды вечером, в разгар отчаяния, в квартире раздался телефонный звонок. Это звонил из Лондона сэр Дэвид Суинфилд.

- Мы можем поговорить, Сэм?
 - Конечно, сэр.
 - Слышал, что у тебя не все ладится.
 - Плохие вести распространяются быстро.
 - Мне рассказал Майк Пассано. Сегодня утром. Сочувствую.
 - Благодарю вас.
 - Хочешь сменить обстановку?
 - Что вы имеете в виду? – осторожно спросил Сэм.
 - У меня возникла идея. Новый проект. Как раз по твоей части. Может тебя заинтересовать.
 - А где?
 - В Англии.
 - Вы хотите сказать, что мне надо покинуть Нью-Йорк?
 - Ты там уже шесть лет. Я согласую вопрос с Майком.
 - А кого назначат на мою должность?
 - Наверное, Лоуэлла Олдберга.
 - Но у него нет опыта работы!
 - У тебя его тоже не было.
- Сэм решил убедиться, что понял правильно.
- Это понижение в должности? – напрямик спросил он.
 - Нет, просто перевод. Наверх и с большой перспективой. – И, помолчав немного, сэр Дэвид добавил: – Я хочу, чтобы ты вернулся, Сэм. Ты мне нужен. Думаю, что сейчас самое время.

Дом на Бьюли-роуд представлял собой половину трехэтажного викторианского особняка, отделенного от проезжей дороги палисадником, приспособленным под заасфальтированную автомобильную площадку. Вся эта тихая улица была уставлена машинами, что говорило о состоятельности здешних обитателей. Росли здесь и деревья. Сейчас они стояли голые, но летом, в роскошной листве, создавали впечатление удаленности от центра Лондона, и улица казалась почти загородной.

В это мрачное утро было еще темно. Когда Сэм расплачивался за такси, входная дверь распахнулась, из дома вырвался поток света и на пороге появилась фигура крупного мужчины.

– Сэм! – крикнул Нил Филип. На нем были брюки от делового костюма и темно-синий пуловер с воротником поло. Он спустился на дорожку и подошел к воротам. – Как я рад тебя видеть!

Нил никогда не стеснялся выражать свои чувства. Сэма словно облапил медведь. Такси уехало, а Нил, нагнувшись, подхватил два огромных чемодана и потащил их к дому, оставив Сэму сумку с ключами и портфель.

– Джени собирает ребятшек в школу, она скоро спустится вниз. Как долетел? Наверное, чертовски устал. – И Нил плюхнул чемоданы внизу лестницы. – Чайник кипит. Хочешь кофе?

– Жажду.

– Тогда пойдем.

Сэм снял пальто и бросил его на перила. Сверху доносился недовольный детский голос. На ступеньке стояли пара маленьких резиновых сапог и игрушечный автомобиль. Сэм прошел за Нилом по коридору в просторную кухню с окнами над раковиной. Стол, застеленный клетчатой скатертью, был накрыт к завтраку: пакеты с овсяными и кукурузными хлопьями, молочник, подставка для яиц.

Нил насыпал несколько ложек кофе в кружку и залил кипятком. Восхитительный аромат наполнил кухню.

– А поесть хочешь?

– Нет, только кофе.

Сэм подвинул стул, сел и с облегчением вздохнул. Странно, почему он так устал? Ведь последние семь часов он провел главным образом в сидячем положении.

– Ты потрясающе выглядишь, Нил.

– Да, не так уж плохо для человека семейного. – Нил достал хлеб и положил два ломтика в электрический тостер. – Ты ведь этот дом еще не видел? Мы купили его через два года после твоего отъезда в Нью-Йорк. Так сказать, улучшили жилищные условия. И нам нужен был сад для детей.

– Сколько им сейчас?

– Дэйзи – десять, а Лео – шесть. Они ужасно рады, что ты у нас поживешь. После твоего звонка только и говорят об этом. Ты надолго в Англию?

– Я не в отпуск приехал, Нил. По делу. Меня вызвал президент фирмы. Какой-то новый проект.

– Значит, прощай, Нью-Йорк?

– По крайней мере, на время.

– Сэм, я так расстроился из-за Деборы...

– Мы об этом еще поговорим, но позже. Слишком много и долго надо рассказывать.

– Давай сегодня вечером заглянем в паб, и ты мне все выложишь за кружкой пива. И знай, у нас ты можешь оставаться сколько захочешь.

– Ты очень добр. Даже слишком.

– Такая уж у меня натура, старик, такая натура.

Щелкнул тостер. Нил вынул готовые ломтики и вставил еще два. Сэм молча наблюдал за аккуратными и точными движениями большого и на первый взгляд неуклюжего человека. Волосы у Нила были все еще густые и темные, лишь кое-где проблескивали серебряные нити. Он прибавил в весе, как это бывает с мужчинами атлетического сложения, но, вообще-то, изменился мало.

С Нилом Филипом была связана большая часть жизни Сэма. Они подружились в школьном пансионе в первый же день. Оба с опаской и недоверием присматривались к новой жизни. Потом Нил часто проводил каникулы в Рэдди-Хилл, и мать Сэма стала считать его чуть ли не вторым сыном. Когда Сэм поступил в университет Ньюкасла, Нил отправился учиться в Эдинбургский университет, где до безумия увлекся регби и даже один сезон играл полузащитником в сборной Шотландии. Окончив университеты, уже в Лондоне, когда Сэм обосновался в Ил-Парк-Коммон, они встретились так непринужденно и дружески, будто расстались только вчера. Сэм был шафером на свадьбе Нила и Джени, а когда Сэм женился на Деборе – церемо-

ния состоялась в саду при доме ее родителей в Истхэмптоне, – Нил и Джени прилетели в Нью-Йорк, и Нил был шафером у Сэма, у того почти не было в Нью-Йорке друзей.

Нил налил кофе и поставил вариться яйца. Сверху еще громче звучали голоса, затем раздался быстрый топот ног по лестнице, и в кухню ворвались двое ребяташек. Дэйзи была одета в школьную форму, Лео – в джинсы и пуловер. Они уставились на незнакомца.

– Привет, – сказал Сэм, но дети молчали, словно онемев от изумления.

– Поздоровайтесь, – велел Нил.

Вместо этого Лео выпалил:

– А я думал, что вы приедете в ковбойской шляпе.

– В Нью-Йорке ковбойских шляп не носят, – оборвала его сестренка.

– А что там носят?

– Наверное, ничего.

– Кто ничего не носит? – В кухню вошла Джени, одетая почти так же, как сынишка, и направилась к Сэму с распростертыми объятиями. – Ой, Сэм, как же давно мы не виделись! Так чудесно снова встретиться.

Сэм встал, она обняла его и поцеловала.

– Ой, ты еще не побрился, негодник!

– Да, лень одолела.

– Надеюсь, ты приехал насовсем? Дэйзи, ты решила съесть все кукурузные палочки с какао? Отсыпь немного в тарелку Лео.

Дом затих. Хозяева ушли. Нил отправился на свою ежедневную каторгу в Сити, Джени повела детей в школу. Сэму показали его спальню. Он принял ванну, побрился и, завернувшись в махровый халат, с наслаждением рухнул в постель. Уже рассвело. В окно он видел кружевные ветки платана. По шоссе мчались машины. Высоко над головой в небе летел реактивный самолет. Сэм спал.

Почти все выходные шел дождь, но утром в понедельник он перестал и сквозь плывущие облака проглянуло ясное небо. Нил, который просидел всю субботу перед телевизором, наблюдая, как футболисты вяло гоняют мяч по мокрой траве, а в воскресенье утром организовал долгую прогулку в Ричмонд-парк, во время которой все промокли, и после чая вынужден был играть с детьми в бесконечную «монополию», – так вот, взглянув на небеса, Нил огорченно процедил: «Закон подлости» – и уехал на работу. Потом настала очередь детей отправляться в школу, но на этот раз их провожала вместе со своими детьми соседка. Затем явилась прислуга родом с Ямайки, а Джени собралась в магазин.

– Тебе дать ключи? – спросила она. – Я буду только после четырех.

– Ну, тогда мне ключ не понадобится.

– А когда ты вернешься?

– Понятия не имею.

– Ладно, – улыбнулась она и, быстро поцеловав Сэма, добавила: – Желаю удачи.

Вскоре ушел и Сэм, одетый соответственно важному свиданию, застегнутый на все пуговицы и вооруженный зонтиком Нила на случай неожиданного ливня. Он закрыл за собой входную дверь под звуки гимнов, которые пела бывшая жительница Ямайки, уже драившая ванны. В двадцать пять минут первого он свернул на Сент-Джеймс-стрит, вошел в ресторан «Уайт» и спросил у портье, здесь ли сэр Дэвид Суинфилд. Тот ответил, что сэр Дэвид ждет гостя в баре.

В половине четвертого они вместе вышли из ресторана. Сэр Дэвид предложил подбросить Сэма до дому, однако тот вежливо отказался. Огромный черный лимузин нырнул в поток машин и исчез по направлению к Пикадилли.

Сэм решил прогуляться хотя бы часть пути до Уэндсворта. Он пошел к Грин-парку, потом по Белгрейв-сквер, Слоун-стрит и Кингз-роуд. День уже кончался, зажглись уличные фонари. Витрины магазинов сверкали ярким рождественским убранством, соблазняя и маня покупателей. Сэм даже забыл, что в этом мире бывает Рождество. Он понятия не имел, где будет его встречать и кто мог бы ожидать от него подарков. Это была горькая правда, но она заставила Сэма действовать. Он купил огромный букет белых лилий для Джени, коньяк и шампанское для Нила. Дэйзи и Лео тоже нужны подарки, но Сэм понятия не имел, что им может понравиться. Надо было заранее их расспросить.

Когда Сэм, измученный, вышел из магазина игрушек, пошел дождь. Было уже почти пять вечера, час пик, и машины двигались со скоростью улитки. Однако ему удалось поймать такси. Они бесконечно долго тащились через Уэндсворт-бридж, наконец одолели длинную Бьюли-роуд, и когда Сэм увидел огоньки, сияющие за спущенными занавесками дома № 14, то почувствовал, что его там ждут.

Дверь открыла Джени.

– Наконец-то. Я уж думала, ты заблудился.

На ней были джинсы и красный пуловер, темные волосы она зачесала наверх и закрепила черепаховым гребнем.

– Прогулялся немного.

Джени закрыла дверь.

– Ну как все прошло? Я имею в виду ланч с президентом.

– Отлично. Расскажу, но потом. – И он вручил ей лилии. – Это тебе. Подарок доброй хозяйке дома.

– Спасибо. Совсем не обязательно было покупать цветы, но я им рада. Тем более – лилиям. От них во всем доме аромат будет, как в раю. Иди в кухню, я налью тебе чая.

Сэм снял пальто и двинулся вслед за Джени, таща сумку с бутылками. Он поставил коньяк в бар, а шампанское сунул в холодильник.

– Шампанское! – Джени наполнила чайник и включила его. – Есть что праздновать?

– Возможно. – Сэм выдвинул стул, сел и оперся локтями о стол. – А где Дэйзи и Лео?

– Наверху. Телевизор смотрят. А может, играют на компьютере. Я позволяю им, если они уже сделали уроки.

– Как вкусно пахнет!

– Ужин готовлю. У меня неприятная новость. У нас будет гость.

– И что же в этом неприятного?

– Он несносный человек.

– Тогда зачем ты его пригласила?

– Он сам напросился. Это старый знакомый моих родителей. Он сейчас один в Лондоне, и ему плохо. Он позвонил мне, и голос у него был такой жалобный, что я невольно предложила ему зайти. И очень жалею об этом – так хотелось побыть втроем. Я уже сообщила Нилу, и он тоже скис, но сказал, что постарается приехать домой немного пораньше, приготовить напитки, накрыть на стол и зажечь камин.

– Но я тоже мог бы все это сделать.

– Прими душ и отдохни. Ты должен быть в форме.

– Чтобы произвести хорошее впечатление на твоего гостя? – (Джени сделала гримасу.) – Да ладно тебе, Джени, чем он тебе так не нравится?

Она достала разноцветный кувшин, налила в него воды и стала бережно расставлять лилии.

– Он не то чтобы очень неприятный. Просто скучноват. И желает, чтобы его воспринимали как старого *goué*⁷. Поэтому все сторонятся его, чтобы не выслушивать занудные истории.

Сэм рассмеялся:

– А что, он действительно повеса?

– Да, можно сказать и так. Три раза был женат и теперь опять свободен.

– А откуда он?

– Кажется, он учился в школе с моим па, но теперь живет то ли на Багамах, то ли на Барбадосе, а может, еще где. Не был в Англии целую вечность.

– И что он делает в Лондоне?

– Точно не знаю. Здесь он проездом во Францию. Рождество проведет в Ницце.

– Интересный тип.

– Да нет, несколько. Ты посмотри, как они прекрасны! Спасибо тебе еще раз. Я поставлю их на самое почетное место в гостиной.

Вода закипела, и Джени достала заварной чайник.

– Я сгораю от любопытства, но, когда стряпаю, не могу сосредоточиться на чем-то еще, а мне надо приготовить пудинг.

– С рассказом можно и подождать.

– Но все в порядке, Сэм? Хорошо прошло?

– Да. По-моему, да.

– Очень интересно. Я рада.

Сэм выпил чая, а потом Джени выставила его из кухни, и он поднялся наверх. Дэйзи и Лео сидели в детской. Телевизор был выключен, а они расположились за выдвинутым столом, вырезая что-то из бумаги. Там же лежали тубы с клеем, фломастеры, клубок разноцветной тесьмы и обрывки капроновой ленты. Дети явно что-то мастерили.

– Привет. Чем это вы занимаетесь?

– Клеим рождественские открытки, – важно разъяснила Дэйзи. – Учительница по рисованию показала нам сегодня, как это делать, и я теперь учу Лео. Надо намазать бумагу клеем, потом посыпать ее блестками, и они прилипнут. Но сначала надо что-нибудь нарисовать.

– Что, например?

– Ну, елку. Или рождественский чулок. Или домик с освещенными окнами. Вот только клей пачкается и блестки осыпаются. Лео их называет «сверкалками». Лео, бумагу надо сгибать вот так, очень-очень ровно...

Дети явно не нуждались в его помощи. Сэм ушел к себе, разделся и встал под душ.

Он захватил с собой «Таймс» и после душа, надев махровый халат, лег, собираясь почитать, однако так и не смог сосредоточиться. Уронив газету на пол, он просто-напросто лежал, глядя в потолок. Через закрытую дверь доносились детские голоса, телефонные звонки, шаги Джени, вкусные запахи. Потом Сэм услышал шум воды в детской ванной.

Как давно он не был в центре семейной жизни, как давно за ним не ухаживали, не радовались его присутствию! Раскручивая в голове эту мысль, Сэм понял: охлаждение между ним и Деборой началось задолго до ее заявления об уходе, но он был слишком поглощен своими делами, чтобы заметить это. В крушении брака – и это он твердо знал – всегда виноваты обе стороны, и каждая должна принять на себя долю ответственности.

Атмосфера скромного лондонского дома, где Нил и Джени растили своих детей, навеяла мирные утешительные воспоминания об усадьбе, в которой Сэм провел детство. Там его тоже всегда ждали, там горел огонь в камине, а из кухни разносились восхитительные запахи вкусной, здоровой еды. Там валялись сапоги у порога и теннисные ракетки в холле, там звучали голоса друзей детства и юности, звук их шагов, громкий смех и крики на лестнице.

⁷ Повеса (*фр.*).

Интересно, достигнет он когда-нибудь благословенной гавани семейной жизни? До сих пор все попытки кончались неудачей. Они с Деборой могли бы иметь детей, но она относилась к этой идее без энтузиазма, а Сэм не настаивал. Что ж, если учесть, чем кончился их брак, это было к лучшему. Однако их дом на Семидесятой улице стал для обоих лишь местом жительства, не более того. Да, их гостиная в сливочно-бежевых тонах, с модернистской скульптурой и хитроумно подсвеченной абстрактной живописью на стенах была предметом зависти всех друзей, а кухня – чудом современной бытовой техники, но там не готовилось ничего, кроме пиццы, разогретой в микроволновке. Дебора, устраивая вечеринки, предпочитала приглашать гостей в рестораны.

А вот Рэдди-Хилл... Бросая взгляд в прошлое, через годы городской жизни, полной суеты и стрессов, с ее коловращением, сделками, поздними ночными сборищами, долгими днями работы, запахами подземки и выхлопных газов, Сэм снова увидел Йоркшир, основательный, без претензий, каменный дом, террасу, лужайки, бордюры из роз, которые разводила мать. Он вспомнил маленький городок, где ветер гнал косые струи дыма из труб отцовской фабрики, речку, бегущую с окрестных холмов и змейкой скользящую между зелеными берегами. Ее шум стал таким привычным, что его перестали слышать. Сэм вспоминал, как совершал с отцом долгие велосипедные прогулки, как они ловили рыбу в отдаленных темных заводях, разбросанных по вересковым пустошам, где воздух был свеж, холоден и чист, как над вересками раздавался резкий птичий крик.

Снаружи, под окном, затормозил автомобиль. Открылась и потом захлопнулась входная дверь. Сэм услышал, как Джени сказала:

– Нил? Привет, милый.

Его друг приехал домой.

Сэм вскочил, сбросил махровый халат и стал одеваться. Брюки из плотного хлопка, свежая рубашка без галстука, синий шерстяной свитер, светлые носки и удобные мягкие туфли. Потом он причесался, протер лицо лосьоном и спустился вниз. Дверь в гостиную была распахнута. Сэм вошел и увидел Нила, который, засучив рукава, протирал бокалы. Комната выглядела готовой к веселью: журналы и книги убраны подальше, диванные подушки взбиты, в камине горит огонь. Лилии стояли на круглом полированном столике в окружении коробок с подарками. Цветы благоухали, их аромат наполнил всю комнату. Часы на каминной полке показывали четверть восьмого.

– Привет, – сказал Сэм.

Нил оторвался от своего занятия.

– Хорошо отдохнул?

– Да, но мне надо было давно спуститься помочь тебе.

– Вовсе нет. Я нарочно удрал пораньше.

– Я слышал, что к ужину будут гости?

Нил сделал гримасу:

– Да, придет один старый зануда. Джени следовало бы отшить его, но у нее слишком доброе сердце.

Он протер последний бокал, аккуратно поставил его на столик и отложил полотенце.

– Ну вот и делу конец. Все готово, все в порядке. Давай-ка выпьем и посидим немного в тишине. Расскажи, как что было, пока гость не пришел, а то нам придется слушать только его. Виски? С содовой или с водой? Или со льдом?

– С содовой. А где Джени?

– Крем сбивает.

– А дети?

– Надеюсь, уже в постели. Читают. Иначе – беда.

Нил разлил виски, добавил лед, подал Сэму стакан, а затем, облегченно вздохнув, плюхнулся в одно из удобных кресел, стоящих по обе стороны горящего камина.

– Теперь рассказывай, как прошел ланч.

Сэм опустил в кресло напротив.

– Думаю, все в порядке.

– Ничего неприятного? Никаких намеков на увольнение?

Сэм рассмеялся. Хорошо, когда не ходят вокруг да около, а сразу приступают к делу.

Приятно иметь дело с человеком, которого знаешь почти всю жизнь.

– Как раз наоборот.

– Да ну? Значит, новая должность?

– Ага.

– В Штатах?

– Нет, здесь. В Великобритании.

– А где именно?

Сэм ответил не сразу. Он сделал глоток – виски было холодное, крепкое, с «дымком», потом поставил стакан на столик.

– Ты слышал когда-нибудь о Мактаггертах из Бакли?

– Что? Те самые спецы по твиду из Сазерленда?

– Да.

– Конечно слышал. Любой мало-мальски уважающий себя сельский джентльмен носит охотничий костюм из твида «бакли». У отца был такой, вернее сказать, был и остался. Материал вечный, словно панцирь. Только не говори, что у них плохи дела. – Нил фыркнул, такой невероятной казалась ему подобная мысль.

– Были плохи. Но «Старрок энд Суинфилд» выкупили фирму несколько месяцев назад. Странно, что ты об этом не знал. Или ты не читаешь «Файнэншл таймс»?

– Читаю ежедневно, но эту информацию пропустил. Я ведь не занимаюсь текстильной промышленностью. Черт, в голове не укладывается, что Мактаггерт пошел ко дну. – Нил невольно усмехнулся. – Вечная история. Нельзя делать деньги на продукции, которой сносу нет.

– Да, конечно, это одна из трудностей, но были и другие. Они совсем не разнообразили ассортимент. Судя по всему, хозяева были людьми старомодными и не видели необходимости что-то менять. Но даже классический твид не пользуется прежним спросом. Большие поместья продаются, охотничьи угодья пустеют, и одежду из твида для егерей и лесничих заказывают все меньше. Кроме того, старик Мактаггерт пару лет назад умер, а двое его сыновей семейным бизнесом не интересуются. Один занимается компьютерами, а у другого – огромный гараж на окраине Глазго. И возвращаться на фабрику у них желания не было. Полагаю, жизнь на далеком севере потеряла для них всякую притягательность.

– Обычная история, – вздохнул Нил. – Что ж, у каждого свои цели. Так что же было потом?

– Они сразу же распродали прилегающие здания, а потом выставили на продажу главный корпус фабрики и землю. Однако с выгодой продать не удавалось. Тем временем рабочие обратились в местное муниципальное управление промышленностью и, объединив средства и усилия, выкупили фабрику. Трудность заключалась в том, что в тех местах, как тебе известно, ограничен резерв рабочей силы. Хотя те, что работают, – настоящие мастера и умельцы, передают навыки по наследству, от отца к сыну. – Сэм осушил стакан. – Ну, в общем, они работали, получали кое-какие заказы, экспортировали часть продукции в Штаты, и так оно шло помаленьку, как вдруг случилось несчастье. На два месяца зарядили непрерывные дожди, река вышла из берегов и затопила фабрику на высоту человеческого роста. Все пропало – товар на складах, компьютеры, большая часть оборудования. Это был конец. Банки отказались кре-

дитовать фабрику, муниципальное управление помочь не могло, и рабочим грозила полная безработица.

Нил встал и взял у Сэма стакан.

– Господи, какая невезуха!

– Оказавшись в отчаянном положении, они обратились к концерну «Старрок энд Суинфилд». Дэвид Суинфилд тщательно изучил обстановку и вовремя принял меры к спасению фирмы, хотя сама фабрика по-прежнему в ужасном состоянии. Она бездействует с начала наводнения, и почти всех рабочих отправили в бессрочный отпуск.

Нил подал Сэму вновь наполненный стакан.

– Так какова же будет твоя роль?

– Я должен поставить дело на ноги. И наладить производство.

– Только и всего? Вот так сразу?

– Ну, конечно, не сразу. Фабрика и до наводнения была в довольно плачевном состоянии. Большая часть оборудования устарела. Понадобится по меньшей мере год, чтобы возродить ее.

– Странно, что такой деловой человек, как Суинфилд, пошел на это. Неужели ты думаешь, что промышленное производство может процветать в таком отдаленном районе? Сомневаюсь, что овчинка стоит выделки.

– А я думаю, что стоит. Разумеется, там предстоит очень многое изменить и переделать, но самое главное, марка раскручена, фирма Мактаггертов имеет огромную популярность и вес во всем мире. Дело чертовски стоящее, если учесть, что сейчас выбрасывают на самые дорогие рынки.

– И вы по-прежнему будете выпускать старые, тяжелые, грубые «деревенские» ткани? Но это же катастрофа!

– Мы будем по-прежнему их производить, и пледовые ткани для Шотландии тоже. Это мактаггертовская марка, основной вид продукции. Это традиция. Но такие ткани будут составлять лишь часть продукции. Мы же сконцентрируем усилия на более легких и красочных. Для итальянского рынка. Будем делать шали, шарфы, накидки, свитера – все, что модно. И дорогие вещи, и подешевле, пользующиеся широким спросом.

– А что с машинами?

– Очевидно, закупим новые, в Швейцарии.

– Но это означает переподготовку рабочей силы.

– Да, но поставщики организуют ее прямо на месте. К сожалению, штат рабочих придется сократить.

Нил некоторое время молча переваривал услышанное. Затем вздохнул и покачал головой.

– Трудно поверить, что ты сможешь жить в такой глуши – после Лондона и тем более Нью-Йорка. Это все равно что ссылка. Не очень-то радужная картина.

– Но я знаю производство и свои возможности.

– А жалованье?

– Повысят.

– Но это же подкуп!

Сэм улыбнулся:

– Вовсе нет. Просто поощрение.

– А что ты будешь делать в свободное время? Сомневаюсь, что Бакли – веселое местечко. Станешь играть в лото?

– Могу удить рыбу. Помнишь, как мы с моим отцом ездили на рыбалку? И в гольф буду играть. Там есть по меньшей мере пять превосходных площадок. Стану членом местных клубов, завяжу знакомства со старыми джентльменами в закапанных супом пуловерах...

– Значит, тебе не кажется, что это шаг назад?

– Если возвращение к корням – шаг назад, то я на это согласен. Однако мне нравится мысль стать возмутителем спокойствия. Я знаю, как управлять небольшой фабрикой. У отца научился. А он был предан своему делу. Любил ткацкие машины, как другие любят автомобили. С любовью прикасался к рулонам ткани, словно хотел приласкать их, получал удовольствие, ощущая фактуру шерсти, ее плетение. Наверное, я из того же теста. И знаю одно: довольно с меня маркетинга. Жду не дожусь, когда опять ступлю на порог фабрики, опять вернусь к началу. Похоже, именно это мне сейчас необходимо.

Нил пристально посмотрел на Сэма, а потом сказал:

– Не обижайся, но мне кажется, что твой президент распоряжается тобой, как отец сыном, просто чтобы чем-то тебя занять.

– Потому что моя личная жизнь рухнула?

– Если честно, то да.

– Я спросил его об этом. Но оказалось, что он задумал перебросить меня на фабрику в Бакли задолго до того, как узнал о Деборе.

– Ну конечно. Глупый вопрос. Сэр Дэвид Суинфилд недалеко бы ушел, имей он мягкое сердце. Когда же ты едешь?

– Чем раньше я там окажусь, тем будет лучше. Но предстоит еще кое-что утрясти, прежде чем я туда отправлюсь. Завтра утром встречаюсь с банкирами. Надо составить заново сроки инвестиций и прочее.

– А где ты там будешь жить? Ты, кажется, сказал, что сыновья Мактаггерта продали все дома?

– Да, верно, но это не важно. Наверное, остановлюсь в гостинице или сниму дом. А может, познакомлюсь с черноволосой девицей и поселюсь с ней в хижине под камышовой крышей.

Нил рассмеялся.

– Ну ты даешь! – Он взглянул на часы, устроился в кресле поудобнее и широко зевнул. – Что ж, желаю тебе удачи, старик.

В этот момент раздался звонок.

– О черт, – сказал Нил, поставил стакан и встал. – Это явился старый зануда.

Больше он ничего не успел прибавить, потому что открылась кухонная дверь и в холле раздались быстрые шаги Джени, а затем – ее голос:

– Здравствуйте, как поживаете? Чудесно снова встретиться. – В голосе ее звучала неподдельная радость, и Сэм уже не в первый раз подумал, какая она добрая. – Проходите.

Затем что-то неразборчивое произнес мужской голос.

– О, конфеты! Спасибо. Надо будет спрятать от детей подальше. Вы на метро или удалось поймать такси? Давайте мне ваше пальто, я повешу. Нил там, в гостиной.

Джени распахнула дверь, и Нил пошел приветствовать гостя.

Сэм тоже поднялся на ноги.

– Нил! Рад вас видеть. Давненько мы не встречались. Спасибо, что пригласили меня.

– Да что вы, что вы...

– Ты посмотри, что он принес мне! – вмешалась Джени, показывая мужу небольшую коробку конфет. Она переделалась в черные бархатные брюки и белую шелковую блузу, но фартук в красно-белую полоску еще не сняла. – Мятная помадка в шоколаде – это так вкусно!

– Пустяки, – отмахнулся гость. – Пытаюсь вспомнить, сколько лет мы не виделись. Когда это было? За ланчем с твоими родителями, Джени. Да, очень-очень давно.

Повернувшись спиной к камину, Сэм внимательно разглядывал гостя. Перед ним стоял солидный мужчина за шестьдесят с повадками молодого повесы. Возможно, когда-то он был недурен собой и чем-то даже смахивал на Дэвида Нивена⁸, но сейчас черты лица его расплы-

⁸ Дэвид Нивен – знаменитый британский актер шотландского происхождения.

лись, щеки покрылись сеткой красных прожилок, а выхоленные усики и пальцы пожелтели от табака. Волосы у гостя были седые, редкие, но длинные, ниспадающие на воротник. Выцветшие бледно-голубые глаза блестели, а сильно загоревшее лицо и руки были усыпаны веснушками. Он был в брюках из серой шерстяной фланели, коричневых замшевых туфлях, синем блейзере с медными пуговицами и рубашке в бело-голубую полоску. Под высоким жестким воротником завязан шелковый галстук буйной красно-желто-зеленой расцветки, браслет от часов золотой, запонки в манжетах рубашки тоже. Он явно старался принарядиться и слегка злоупотребил одеколоном «О Соваж».

– Да, целую вечность, – подтвердила Джени, – лет семь. Наверное, родители тогда еще жили в Уилтшире. А теперь я должна вас познакомить. Это Сэм, а это Хьюи Маклеллан.

– Как поживаете?

– Приятно познакомиться.

И они обменялись рукопожатием.

– Сэм и Нил дружат еще со школы.

– Старый друг лучше новых двух. Господи, какое ужасное в Лондоне движение. Никогда еще не было таких пробок. Пятнадцать минут ждал такси.

– А где вы остановились?

– Да в своем клубе, конечно, но он теперь далеко не тот, что прежде. Первокласный швейцар, но в остальном... Мог бы вполне сэкономить.

– Разрешите предложить вам стаканчик, Хьюи.

Хьюи просветлел лицом.

– Хорошее предложение. – Он оглядел столик с бутылками и стаканами. – Джин с тоником, если можно. И, – он похлопал себя по карманам, – вы не против, если я закурю, а, Джени?

– Нет, нет, конечно. Где-то здесь была пепельница.

Она поискала ее взглядом, нашла, вытряхнула оттуда обрывки бумаги и поставила на столик возле дивана.

– Черт побери, ну и времена наступили. Никто не курит. В Нью-Йорке кошмар что творится. Только щелкнешь зажигалкой, подходит какой-нибудь тип и стреляет в тебя. Насмерть.

Хьюи вынул из кармана блейзера серебряный портсигар, вытащил сигарету, щелкнул золотой зажигалкой и выпустил изо рта облачко дыма, после чего сразу расслабился и потянулся к Нилу за стаканом джина с тоником.

– Да благословит тебя Бог, мой мальчик.

– А ты не хочешь выпить, Джени?

– Мой стакан вина на кухне. Кстати, Нил, открой нам бутылочку к обеду.

– Конечно. Извините. Мне нужно было об этом пораньше позаботиться. Простите меня, Хьюи, я отлучусь на минуту. Располагайтесь поудобнее, а Сэм составит вам компанию.

Хозяева вышли и закрыли за собой дверь, а Хьюи с комфортом уселся в уголок дивана, так чтобы стакан и пепельница были под рукой, и откинулся на мягкие подушки.

– Очаровательный у них дом. Я еще не бывал здесь. В последний мой приезд они жили в Фулхэме. Я знаю Джени с детства. Ее родители – мои старые друзья.

– Она рассказывала. Вы, очевидно, сейчас с Барбадоса?

– Да. У меня дом в Спайтс-тауне. Время от времени наезжаю в Лондон потряхнуть стариной, посоветоваться с биржевым маклером, подстричься у своего парикмахера и побывать у портного. Печально, что друзья мало-помалу уходят. Каждый раз узнаю, что какой-нибудь старый греховодник откинул копыта. Да, печально. Но все мы стареем, такова жизнь.

Он погасил сигарету, сделал большой глоток и нацелился оценивающим взглядом на Сэма.

– А вы приехали в отпуск, на праздники?

– Можно и так сказать, но всего на несколько дней.

– Чем занимаетесь?

– Продаю шерстяные ткани. – Сэму не хотелось рассказывать о себе, и он спросил: – А вы давно живете на Барбадосе?

– Лет тридцать. Из них пятнадцать владел клубом на побережье, но завязал, чтобы окончательно не спиться. А до этого жил в Шотландии, там у меня был большой дом. Его всучил мне отец, чтобы не платить налоги на наследство.

Сэм заинтересовался:

– А что это за дом?

– О, большущая усадьба. Фермы, земельные угодья и все такое прочее. Викторианский громоздкий дом. Там и поохотиться есть где, и хорошая рыбалка.

– И вы жили в усадьбе постоянно?

– Пытался, старина, но зимы на той широте нешуточные. Чтобы оценить по достоинству жизнь в такой глуши, нужно быть немного отсталым человеком и любить прошлое. Все это подходило для наших бабушек и дедушек с большим штатом слуг, кухарками и домоправительницами, работающими от зари до зари за невероятно низкое жалованье. А когда я туда переехал, надо было потрудиться, чтобы просто обогреть дом. Не говоря уже про то, – он вздернул бровь и хитро улыбнулся, – что мы там не скучали. Моя первая жена обожала принимать гостей. Еды в Корридейле готовили – на целую армию хватило бы, а напитков – на армию алкоголиков. Незабвенные денечки.

Вспоминая это, очевидно, счастливейшее время, Хьюи теребил галстук, поглаживая его и пропуская через пальцы.

– Разумеется, это не могло продолжаться долго. Элейн сбежала с брокером по продаже бытовой техники, и смысла тянуть эту лямку уже не было. Тем более что половина прислуги уволилась, а банковский менеджер стал выказывать недовольство...

Сэм слушал Хьюи со смешанным чувством раздражения и жалости. Перед ним был человек, которому преподнесли сокровище на серебряной тарелочке, а он большую его часть пустил по ветру. Симпатии это не вызывало, но за бравадой Хьюи ощущалась печаль.

– ...Так что я продал усадьбу, и дело с концом. И уехал на Барбадос.

– Продали? Со всеми потрохами?

– Ну, не совсем. Недвижимое имущество частично перешло другим владельцам. Ферму выкупил долгосрочный арендатор, один-два коттеджа получили верные старые слуги, которые в них жили. А остальное – дом, конюшни, землю – я продал тресту, владевшему деревенскими гостиницами. Да вы знаете, для тех, кто любит порыбачить и подстрелить фазана или перепелку.

Он допил джин и задумчиво уставился на пустой стакан.

– Налить вам еще? – спросил Сэм.

Лицо у Хьюи опять просветлело.

– Замечательная мысль. Только тоника поменьше.

Сэм взял у него из рук стакан, а Хьюи снова достал портсигар.

Наливая джин, Сэм осведомился:

– Вы долго пробудете в Лондоне?

– Хотелось бы не задерживаться. Я прилетел сюда четыре дня назад. И улетаю в среду. Нацелился в Ниццу. Там у меня есть старая приятельница, Моды Пибоди, случайно, не знаете ее? С Моды я познакомился в начале моей барбадосской жизни. Американка. Богата, как Крез. Живет в божественной вилле на холмах над Каннами. Проведу с ней Рождество и Новый год. А потом обратно на Барбадос.

Сэм снова сел в свое кресло у камина.

– У вас все спланировано.

– Да, стараюсь смотреть вперед. Я сейчас один, сам веду хозяйство. В матримониальном плане не повезло. И это обошлось мне очень дорого. Все бывшие жены хотят завладеть куском пирога. Вернее – тем, что от него осталось!

– А дети у вас есть?

– Нет. Еще студентом, в Итоне, переболел свинкой, и это сказалось на способности к воспроизведению рода. Чертовски этого стыжусь. Неплохо, если бы сейчас обо мне заботились ребяташки. Честно говоря, родственников у меня вообще маловато. Еще жив отец, но мы лишь разговариваем иногда, и только. Он рвал и метал, когда я продал усадьбу, но никак не мог этому помешать. Есть еще двоюродный брат, скучнейший тип. Живет в Гемпшире. Пытался дозвониться до него, но телефон не отвечает.

– А где живет ваш отец?

– Недалеко от Альберт-холла, в одиночестве и комфорте. Я еще не встречался с ним, откладываю это на потом. Может, загляну на обратном пути из Франции. С визитом вежливости. Нам почти не о чем разговаривать.

Сэм почувствовал облегчение, когда к ним снова присоединились хозяева. Джени, очевидно, уже закончила с готовкой и сняла фартук. Сияя от радости, она сразу же направилась к Сэму и, обняв его за шею, звучно чмокнула в щеку.

– Нил мне рассказал. О твоей новой работе. Я просто в восторге. Это замечательно. Я так рада за тебя. Ничего лучше нельзя и придумать.

Сэм поймал немного смущенный взгляд Нила.

– Сэм, ничего, что я рассказал Джени?

– Конечно нет. – И Сэм обнял Джени. – Ты избавил меня от необходимости снова все повторять.

– О чем речь? – Хьюи наострил уши. – А мне можно узнать?

Джени обернулась:

– Мы говорим о новой должности Сэма. Он только сегодня обо всем узнал. Это в самой северной части Шотландии. Он должен там снова наладить производство на старой ткацкой фабрике.

– Неужели?

Впервые за все время Хьюи проявил интерес и внимание к чему-то, что не касалось его самого.

– В Шотландии? А где именно?

– В Бакли. В Сазерленде, – ответил Сэм.

Хьюи даже разинул рот.

– Господи помилуй. Бакли. Не Мактаггертовская ли фабрика?

– А вы их знаете?

– Дорогой мой мальчик, как самого себя. Бакли же всего в нескольких милях от Корридейла. Я все свои охотничьи костюмы шил из твида «бакли». А моя няня вязала мне спортивные носки на мактаггертовской вязальной машине. Старая семейная фирма. Существует по крайней мере сто пятьдесят лет. Что же, черт побери, с ними случилось?

– Старик Мактаггерт умер, а сыновья его бизнесом не интересовались. Деньги у них кончились, а окончательно их разорило наводнение.

– Какая трагическая история. У меня такое чувство, будто умер старый друг. И вы, значит, займетесь фабрикой? И когда вы туда едете?

– Скоро.

– А вам есть где жить?

– Нет. Все жилые дома при фабрике были проданы. Остановлюсь в гостинице, освоюсь немного и что-нибудь куплю.

– Интересно, – сказал Хьюи.

Все посмотрели на него, но он молчал и сосредоточенно тушил окурок в пепельнице. Наконец Джени спросила:

– А что именно вам «интересно»?

– Дело в том, что у меня там есть дом.

– И где же он?

– Не в Корридейле, конечно, а в Кригане. Это даже ближе к Бакли. Это был старый особняк, приспособленный под контору. Там жила семья управляющего. Большой дом в викторианском стиле. С садом. Но бабушка решила, что он расположен слишком далеко от Корридейла и это затрудняет повседневную деятельность управляющего. Она переселила его в более подходящее жилье на территории парка в Корридейле, а особняк завещала мне и моему кузену. Мы владеем им совместно.

Нил нахмурился:

– А кто там теперь живет?

– Дом сейчас пустует. Последние двадцать лет его арендовала одна супружеская пара, Кочрейны, но муж умер, а вдова переехала к родственникам. Откровенно говоря, одна из причин моего приезда в Лондон – необходимость продать дом. Хочу избавиться от этой развалюхи. Я пытался дозвониться до Оскара, это мой кузен, чтобы все обсудить, но никак не могу его застать. Может быть, он умер. Наверное, сам себе надоел до смерти.

Джени, не обращая внимания на несколько зловещую интонацию Хьюи, поинтересовалась:

– А он захочет продать свою половину?

– Почему бы и нет. Его не интересуют земные блага. На завтрашнее утро у меня назначена встреча с агентством «Херст и Филдмор». Хочу выяснить, не смогут ли они организовать продажу.

– Но ваш кузен...

– О, я улажу с ним все дела, когда вернусь из Франции.

– Почему вы рассказываете нам все это, Хьюи?

– Вашему другу нужно жилье, а я продаю дом. Думаю, он Сэма устроит. Недалеко до фабрики, магазины близко, кроме того, там есть отличная площадка для гольфа. Все, что требуется мужчине. – Хьюи повернулся к Сэму. – Почему бы вам не посмотреть его? Вы ничем не рискуете. Мы могли бы договориться полюбовно. Приватная сделка меня бы очень устроила.

– А сколько вы за него хотите? – осторожно спросил Сэм.

– Ну, дом не оценивался. Но, – Хьюи опустил взгляд и смахнул пепел с колен, – думаю, он стоит примерно сто пятьдесят тысяч фунтов.

– На двоих – на вас и вашего кузена?

– Совершенно верно. Каждый из нас получит по семьдесят пять тысяч.

– Как скоро вы сможете с ним связаться?

– Понятия не имею, старина. Он неуловим. Но это не мешает вам поехать взглянуть на дом.

– А есть там агент или еще какое-нибудь официальное лицо, с которым я смогу иметь дело?

– В этом нет необходимости.

Хьюи пошарил в кармане брюк, вытащил оттуда большой старомодный ключ с красной биркой, на которой было заглавными буквами написано: «Старая усадьба», и торжественно, как трофей, поднял его над головой.

Джени изумилась:

– Этот ключ постоянно при вас?

– Нет, конечно. Я же сказал, что завтра утром собирался в «Херст и Филдмор». Вот и хотел передать ключ им.

Сэм взял ключ.

– А как мне с вами связаться?

– Я дам вам свою визитную карточку. Вы можете послать мне факс на Барбадос. И вот вам еще телефон Моды на юге Франции – на случай, если вы примете решение сразу.

– Я, конечно, осмотрю дом. Очень вам благодарен. Но, разумеется, я не могу вступить с вами ни в какие деловые отношения, пока ваш кузен не согласится продать свою часть дома.

– Ну конечно. Все честно, открыто, без утайки. Но я считаю, предложение стоящее.

Наступило молчание. Потом Джени сказала:

– Какое изумительное совпадение, просто не верится. Это, конечно, знамение судьбы. Чудесное знамение. И означает оно, что все складывается благоприятно. Может, отметим такое событие? Сэм подарил нам бутылку шампанского. Почему бы нам не откупорить ее и не выпить за Сэма, фабрику Мактаггерта и счастливую жизнь в новом доме?

– Великолепная идея, – подхватил Хьюи. – Но, если не возражаете, я бы предпочел еще один джин с тоником.

3. Кэрри

Ночью Кэрри приснилась Австрия, Обербейрен. Бездонно-синее небо, ослепительный снег; он сияет и искрится, и каждая снежинка будто драгоценный алмаз. Кэрри скользит на лыжах. На тропе – ни души. Кэрри будто плывет по белому бескрайнему морю. Лыжня вьется между сосен. Кэрри совсем одна. И вдруг, обогнув сосны, она видит далеко впереди такого же одинокого лыжника. Черный силуэт стремительно удаляется от нее вниз по склону, вальсирует меж деревьев. Она знает: это Андреас; ей хочется, чтобы он понял, что она здесь, тогда он непременно ее подождет. Она кричит: «Андреас! Поймай, позволь мне быть с тобой. Пусть наши лыжи скользят рядом». Она слышит свой голос, ветер подхватывает его и уносит прочь; ее лыжи шуршат по умятому снегу. «Андреас!» Но он уходит от нее. Она поднимается на холм, теперь он слышит ее голос и ждет ее. Он опирается на лыжные палки, следит за ней взглядом; голова запрокинута, темные очки подняты высоко надо лбом.

Он смеется. Белые зубы на бронзово-загорелом лице. Наверное, выкинул какой-нибудь головоломный трюк. Она приближается к нему, останавливается и только тут понимает, что это не Андреас, а незнакомец с волчьим оскалом и холодными, как серая галька, глазами. Небо уже не синее, оно потемнело, как перед бурей. Кэрри страшно...

Страх разбудил ее, глаза распахнулись в темноте. Она слышала, как колотится у нее сердце. Не сразу сообразив, где она, Кэрри увидела пробивающийся между штор свет уличных фонарей. Это не Австрия, не Обербейрен. Это Лондон. Не пахнущий елкой номер с балконом, а Патни, гостевая спальня в доме ее друзей, Сары и Дэвида Ламли. Не мороз и звезды, а серый шорох дождя. Сон ушел. Ушел и Андреас, который никогда ей не принадлежал. Все кончено.

Она протянула руку, нащупала на ночном столике часы. Шесть часов, темное утро, начало декабря.

В пустой постели так сиротливо. Кэрри охватила острая тоска. Ей нужен Андреас, она отчаянно хочет, чтобы он был здесь, с нею, хочет прижаться к его литому мускулистому телу. Вернуться туда, где они принадлежали друг другу. Необъятная резная кровать в косых солнечных лучах, двое влюбленных, накрепко спаянных в огне страсти и неги. Кэрри повернулась на бок, обхватила себя за плечи, чтобы согреться и успокоиться. Все будет хорошо. Это как болезнь, но она выздоровеет. Она закрыла глаза, уткнулась лицом в подушку и заснула.

В девять Кэрри снова проснулась. Хмурое зимнее утро начинало светлеть. Дэвид и Сара, должно быть, уехали на работу, оставив ее одну в доме. Уже неделя, как она здесь, но ничего еще не сделано: ни с кем не повидалась, новой работы не нашла. Сара и Дэвид все понимают и не тормозят ее. Из всей своей семьи Кэрри общалась только с отцом – позвонила ему в Корнуолл, и они долго, почти час, задушевно говорили друг с другом. «Ты ведь повидаешься с матерью, правда?» – спросил он, и она пообещала, но все время под разными предлогами откладывала. Неделя – это слишком долго, и Кэрри понимает, что тянуть больше нельзя. Сегодня, прямо утром, она обязательно позвонит Доди и беззаботно скажет: «У меня сюрприз. Я вернулась. Я здесь, в Лондоне».

Пойдут удивленные ахи, охи, объяснения, оправдания, потом они договорятся о встрече. Кэрри все это не пугало, хотя она и не испытывала никакого удовольствия при мысли о предстоящем общении с матерью и сестрой Николой. Они наговорят ей с три короба, но при этом не сообщат ни одной хорошей новости. Однако родню не выбирают, так что чем скорее Кэрри выполнит свой долг, тем лучше.

Она вылезла из постели, накинула халат и спустилась вниз. Кухня сверкала чистотой. Сара, хоть и работала полный день, была отменной хозяйкой. Кэрри заметила записку, приклеенную к цветочному горшку, стоявшему посреди стола.

Доброе утро. Бекон и апельсиновый сок – в холодильнике. У Дэвида вечером собрание, а я приду домой как обычно. Если пойдешь в магазин, купи, пожалуйста, овощей к ужину. Например, цветной капусты. И еще, пожалуйста, китайского чая «Лапсанг Сушонг» в пакетиках. Целую. Сара.

Кэрри вскипятила воду, заварила кофе, опустила в тостер ломтики хлеба. Кофе выпила, но к тостам не притронулась. Телефонный аппарат, стоящий на кухонном шкафу, угнетал ее, как нечистая совесть. К тому времени, как она выпила три чашки кофе, часы показывали без четверти десять. Надо полагать, даже Доди Саттон должна уже проснуться. Кэрри сняла трубку и набрала номер. В окно стучал дождь. Послышались телефонные гудки. Кэрри терпеливо ждала.

– Алло.

– Ма.

– Кто говорит?

– Это я, Кэрри.

– Кэрри? Ты звонишь из Австрии?

– Нет. Из Лондона.

– С Рэнферли-роуд?

– Нет. Рэнферли-роуд сдан в аренду сроком на три года. Он освободится только через три месяца. Так что я бездомная.

– Тогда где ты?

– В Патни. У друзей. Напротив тебя, через реку.

– Давно вернулась?

– Примерно неделю назад. У меня куча дел, не то я позвонила бы раньше.

– Неделю? У тебя каникулы? – недоверчиво спросила Доди.

– Нет, не каникулы. Я бросила работу. Решила, что с меня хватит.

– Я всегда считала, что тебе лучше вернуться сюда. Мы не видим тебя годами. Что же случилось?

– Ничего. Просто мне так захотелось.

– А ты найдешь другую работу?

– Должна найти. Послушай, ма, я хочу с тобой повидаться. Ты сегодня дома?

– Утром – да. Вечером собираюсь играть в бридж с Лейлой Максвелл. У нее, бедняги, катаракта, она с трудом видит карты. Как отказать ей в такой малости.

– Тогда, может быть, увидимся за ланчем?

– Где, у меня?

– Если хочешь, пойдем куда-нибудь.

– Нет. Лучше я приготовлю суп, паштет или еще что-нибудь. Согласна?

– Конечно. Как Никола?

– Ох, это просто трагедия.

Сердце у Кэрри упало.

– Трагедия?

– По-моему, она сошла с ума. Расскажу тебе все при встрече. – Доди помолчала, потом добавила, будто эта блестящая мысль только что пришла ей в голову: – В самом деле, все получится как бы случайно. В смысле, твой приход. Никола вернется к ланчу, но, если ты придешь чуть раньше, мы успеем поболтать с глазу на глаз.

Лучше бы мне вообще не звонить, подумала Кэрри.

– А что Люси?

– Люси дома. Не пошла в школу, там у них меняют котел отопления. Она в своей комнате. Кажется, зубрит что-то к экзамену. Она нам не помешает.

- Хотелось бы и ее повидать.
- Повидаешь, повидаешь. Когда ты придешь?
- В половине двенадцатого, хорошо? Наверное, пойду пешком.
- Разве у тебя нет автомобиля?
- Есть, но прогулка мне не повредит.
- Погода отвратительная.
- Ничего страшного. Ну, до встречи, ма.
- Жду тебя, – сказала Доди и дала отбой.

Кэрри тоже положила трубку и минуту-другую на нее глядела, а потом вдруг обнаружила, что улыбается. Но не радостно, а, скорее, кисло, потому что ощутила холодность и отстраненность матери, чего и ждала, и боялась.

Собственно, так было всегда. Недостаток внимания, неприязнь – уже в раннем отрочестве Кэрри столкнулась с этим и научилась принимать. Она видела, как общаются друг с другом в чужих семьях, и понимала, что, не будь у нее отца, она бы выросла, так и не узнав, что значит любить и быть любимой.

Ей так и не удалось понять, почему Джеффри Саттон женился на Доди. Возможно, потому, что та была хорошенькой, кокетливой, обаятельной и, как любая юная девушка, умела прикинуться такой, какой каждый мужчина видел свою избранницу. То, что это был от начала до конца тонкий расчет, выяснилось слишком поздно. Доди видела в Джеффри не только привлекательного зрелого мужчину, но и гарантию обеспеченного будущего – у него была солидная работа, он служил брокером в Сити, делал успешную карьеру, и его сослуживцы принадлежали к тому самому социальному слою, в который стремилась попасть Доди.

Никола родилась первой; потом, пять лет спустя, появилась Кэрри. Сестры были такие разные, что казалось, каждая из них принадлежит только кому-то одному из родителей. Как если бы Доди родила Николу без участия Джеффри, а Джеффри сам каким-то чудесным образом произвел на свет Кэрри.

Он был ее отцом, другом, союзником... Он, супруг, связанный узами мезальянса. Именно он, Джеффри, водил дочерей в школу, пока их мать лежала в постели, прихлебывая китайский чай и почитывая романы. Кэрри помнит, как он приходил с работы, как поворачивался ключ в американском замке, как она бежала вниз по лестнице, чтобы встретить отца, ведь Доди еще не вернулась – она играла в бридж – и в кухне возилась только прислуга. Усталый, измученный после целого дня изнурительной работы, он швырял портфель, сбрасывал пальто, шел наверх и помогал Кэрри с уроками или слушал, как она играет этюды на фортепиано. Именно Джеффри вносил веселье в их жизнь, он всегда готов был устроить пикник, загородную прогулку, праздник. Не кто иной, как Джеффри, впервые повез Кэрри в Валь-д'Изер кататься на лыжах, а ей только исполнилось десять. Они поселились на снятой в аренду вилле вместе с веселой компанией из двух других семей. Это были лучшие в жизни Кэрри каникулы. С тех пор она на всю жизнь полюбила лыжи. Никола не поехала с ними: она не увлекалась спортом и ей нравилось оставаться дома с Доди. Они вместе ходили по магазинам, покупали новые платья к рождественским вечеринкам, которые Никола не собиралась пропускать.

Наряды, мальчики, вечеринки будили у Николы страстный интерес, поэтому никто не удивился, что она рано вышла замуж. Ей едва исполнился двадцать один год. Молодого человека звали Майлс Уэсли. О таком муже для своей старшей дочери Доди могла только мечтать. У него была бабушка, леди Берфилд, и родители, владевшие завидной собственностью в Гемпшире. Он учился в Хэрроу, а потом получил хорошую должность в «Херст и Филдмор», известном агентстве по продаже недвижимости с филиалами по всей стране. Майлс служил в главном офисе на Дейвис-стрит, набирался опыта в вопросах продажи огромных охотничьих угодий, тетеревиных болот и участков для рыбной ловли. Доди восхитительно проводила время, строя

планы на свадьбу, которая должна была стать предметом зависти всех ее подруг и темой для разговоров на многие годы.

Кэрри отказалась быть подружкой невесты. Долговязая, худая, она вся отдавалась учебе, мечтала поступить в университет. Ее внешний вид приводил в отчаяние мать, которая питала отвращение к любимой одежде дочери – поношенным джинсам, тяжелым башмакам и мешковатым теннискам. Доди чуть не упала в обморок, когда Кэрри принесла из благотворительного магазина «Оксфам» невыносимо потертую кожаную куртку.

Когда в доме произнесли слова «подружка невесты», Кэрри высказалась очень решительно.

– Нет, – заявила она.

Разразился скандал.

– Как можно быть такой эгоисткой? – возмущалась Доди.

– Очень просто.

– У тебя одна-единственная сестра, подумай о ней.

– Послушай, мама, я бы не согласилась на это даже ради самой королевы. Во мне пять футов девять дюймов, я не гоюсь в подружки невесты. Представь, как я иду по проходу в церкви. На что я буду похожа в розовой тафте? Просто бред.

– Никакой тафты не будет, и тебе это хорошо известно. Мы с Николой выбрали темно-розовый шифон.

– Тем хуже.

– Ты ни о ком не думаешь, только о себе.

– Напротив. Никола не станет противиться. У нее куча хорошеньких подружек, пусть осчастливит одну из них. И вообще, – Кэрри зевнула, – что за бред венчаться в церкви. – Ей иногда нравилось выводить мать из себя. – Почему нельзя пойти в ближайшее бюро регистрации? Подумай, какая экономия. Хотя я тебя понимаю: ведь тогда не будет ни свадебных подарков, ни чеков на кругленькую сумму.

– Как ты можешь!

– Я всего лишь прагматична.

Доди глубоко вздохнула и сказала твердым, спокойным тоном:

– Если кто-то пожелает подарить Николе на свадьбу чек, мы его примем с благодарностью. В конце концов, надо меблировать новую квартиру. Холодильники, лампы, ковры. Все это стоит недешево.

– А можно положить эти денежки на специальный счет – они понадобятся при разводе...

Доди вышла, хлопнув дверью. Больше о подружке невесты в доме не заговаривали.

Кэрри была первой, кому доверился Джеффри. Ей было девятнадцать, она изучала литературу и философию в Оксфорде и наслаждалась каждой минутой своей новой жизни. Однажды воскресным утром он позвонил ей из Лондона.

– Ты сегодня очень занята?

– Да нет, не особенно.

– Можно, я приглашу тебя на ланч?

– Спасибо.

– Твоя мама уехала к Николе, у Люси температура. Я буду у тебя около двенадцати.

Кэрри была заинтригована.

– Жду.

Стоял золотой октябрьский день. Джеффри заехал за Кэрри и повез за город в ресторан «Le Manoir aux Quatre Saisons»⁹. Это была отменная, обильная, дорогостоящая трапеза. После

⁹ «Замок „Времена года“» (фр.).

ланча они побродили по саду, потом сели на скамейку, греясь на ласковом солнышке бабьего лета. Пели птицы, ветерок срывал листья, и они медным дождем падали в траву.

И тогда Джеффри рассказал ей о Серене, о том, как они встретились, как он в нее влюбился.

– Мы знакомы уже пять лет. Она молода, годится мне в дочери. Теперь она все для меня, и я больше не могу без нее жить.

У ее отца есть возлюбленная. Кэрри трудно было подыскать слова.

– Ты шокирована?

– Нет, конечно. Просто это так неожиданно.

– Я собираюсь оставить вас и соединить свою жизнь с Сереной. – В его темных глазах была боль. – Мне очень трудно тебе это говорить.

– Почему? Это же правда.

– Я бы ушел раньше. Но не мог, пока вы с Николой не... встали на ноги. Не повзрослели. Я должен был быть рядом, пока вы во мне нуждались, пока я был вам нужен. Теперь совсем другое дело. Теперь, я уверен, вы обе стали самостоятельными. Никола замужем, у нее дочь. Надеюсь, она довольна своей жизнью. Майлс всегда казался мне достойным человеком, разве что только он равнодушен к горячительным напиткам. Кажется, он у нее под каблуком, но это его проблемы.

– Папа, бедный. – Кэрри думала о браке отца с Доди. – Все эти годы ты был несчастлив!

Джеффри покачал головой:

– Нет. У меня в жизни было много радостных минут, особенно связанных с тобой. Но я устал носить маску и делать вид, что все хорошо. Я измучен постоянной необходимостью добывать деньги, вечно бороться за существование, работать из последних сил. Хочу жить по-другому. Хочу тепла, любви, дружеского общения, смеха... Доди не в состоянии дать мне это. Наверное, ты знаешь, что мы с ней давно спим в разных комнатах. Мне нужен дом, куда могут приходить мои друзья посидеть на кухне за спагетти и бутылкой вина. В конце дня хочу открывать парадную дверь, зная, что меня ждут. А бреясь утром, хочу слышать, как жарится яичница с беконом, как вскипает кофе. Это не мужской климакс, это глубокая внутренняя потребность, жившая во мне годами.

– У меня и мысли не было о мужском климаксе.

– Знаю.

Какая-то семья вышла из гостиницы на теплое послеполуденное солнце. Молодая мать, отец и маленький мальчик. Ребенок нашел крокетный молоток и мяч и начал размахивать молотком, стараясь попасть по мячу. После трех неудачных попыток к малышу подошел отец, обхватил его сзади и показал, как надо бить.

Кэрри сказала:

– Ты сделал для нас все, что было в твоих силах. Никто бы не мог сделать большего. Думаю, теперь ты имеешь полное право уйти.

– А как же твоя мать?

– Конечно, ее мирок рухнет, гордость будет уязвлена. Но, насколько я знаю, ее вклад в ваш брак не был слишком велик. – Кэрри вздохнула. – Кстати, учти, она наверняка наймет хорошего юриста, чтобы обобрать тебя до нитки.

– Знаю. Я готов заплатить эту цену.

– Что у тебя с работой?

– Я ее брошу.

– Не будешь скучать по ней?

– Нет. Я добился всего, чего хотел. И устал от этих крысиных гонок, от необходимости постоянно стремиться сохранить лицо. Наверное, я никогда не был особенно честолюбив, а теперь стал законченным эгоистом. Или в мои годы уже поздно хотеть счастья?

– Ты знаешь, что я об этом думаю.

Какое-то время они просто сидели и молчали в полном душевном единении. Наконец Джеффри сказал:

– Теперь о тебе. Когда ты родилась, я выделил тебе капитал, вверенный попечителю. У Николя он тоже был, но почти весь ушел на эту дурацкую свадьбу. Сейчас твои деньги лежат в банке и приносят небольшую прибыль, но, по-моему, будет разумно, если ты обратишь их в наличность и купишь себе дом. В Лондоне или где-нибудь еще. Недвижимость – это всегда хорошее помещение денег. Мне бы хотелось, чтобы ты была независима... Капитал невелик, но его достаточно, чтобы купить скромный дом. Что скажешь?

– Прекрасная мысль. – Кэрри поцеловала отца в щеку. – Какой ты милый. Спасибо. Мы ведь не будем забывать друг друга, правда? Будем переписываться, обмениваться факсами, будем звонить друг другу, где бы мы ни были, общаться.

Джеффри улыбнулся. Вид у него был не такой подавленный, как всегда. Кэрри поняла, как долго он терзался тревожными мыслями.

– Если в следующее воскресенье мы с Сереной приедем в Оксфорд, может быть, ты захочешь с ней познакомиться?

– Конечно. И пусть она не думает, что я собираюсь встать между вами. Она не должна испытывать чувство вины. Теперь твои старые обязательства кончаются, начинается новая жизнь. На этот раз счастливая.

– А ты, дорогая? Как ты? Есть у тебя кто-нибудь?

– О да, – засмеялась Кэрри. – И не один.

– Но никакого намека на вторую грандиозную свадьбу?

– Ни малейшего. Я должна очень много сделать в жизни. Для начала купить дом. Как много планов мы с тобой наметили, сколько вопросов обсудили!

– Подожди радоваться, Кэрри. Нам предстоит пережить тяжелые времена.

Она взяла его за руку и сказала:

– Я с тобой, папа. Мы будем стоять плечом к плечу.

Джеффри оказался прав. Им действительно выпали тяжкие испытания. Долгое время не смолкали обвинения, но в конце концов Доди прекрасно устроилась и обратила печальные обстоятельства себе на пользу. Как и предвидела Кэрри, она отпустила Джеффри, обобрав до нитки, – семейный дом в Кэмпден-Хилле, автомобиль, большая часть имущества и денег отошли к ней. Он ничего не оспаривал и делал все, что мог, чтобы загладить свою вину.

Как только Доди узнала, что Кэрри купила небольшой дом на Рэнферли-роуд, она чрезвычайно выгодно продала особняк в Кэмпден-Хилле, патетически объявив, что он полон печальных воспоминаний, и купила прелестную квартиру в старинном доме в Фулхэме, выходящую окнами на юг, на реку и Патни.

– Мое уединенное гнездышко, – с грустью, но отважно говорила она друзьям, и все находили, что она держится восхитительно. На самом же деле Доди была очень довольна: ее ждали бридж, вечеринки с легкими возлияниями и неизменное лекарство от всех невзгод – поездки по магазинам и возвращение домой с фирменными пакетами и коробками, набитыми свертками в китайской шелковой бумаге. Праздники она теперь проводила с друзьями за границей: ездила первым классом в Париж или отправлялась в круиз по Средиземному морю на сногшибательном лайнере, демонстрируя только что обновленный гардероб. В одном из таких круизов она познакомилась с Джонни Стратерсом, отставным полковником авиации, вдовцом. Доди ему явно нравилась, и время от времени, приезжая в Лондон, он звонил ей и приглашал пообедать. Она была счастлива, как никогда.

Через семь лет после развода родителей Никола Уэсли обнаружила, что обходительный Майлс закрутил роман с какой-то дамой. Она с радостью ухватила за этот повод и вырвалась

из оков брака, который стал обыденным и скучным. Вырвалась, разумеется, к матери, в ее вместительную нарядную квартиру. И все было бы нормально, не привези Никола с собой девятилетнюю дочь Люси. Доди поняла, что ее безмятежной жизни пришел конец.

Кофейник пуст, осадок в чашке остыл. Кэрри встала, выбросила в мусорное ведро нетронутые тосты, ополоснула кофейник, положила чашку и блюдо в посудомоечную машину. Потом поднялась наверх, приняла душ, вымыла короткие волосы, оделась. В последнее время она не слишком заботилась о своей внешности: носила старые джинсы и не пользовалась косметикой. Но сегодня утром ей нужно было почувствовать себя немного более уверенно.

Итак, узкие брюки верблюжьего цвета, кашемировый свитер, изящные ботинки, золотые сережки и цепочка на шее. Кэрри брызнула на себя духами, набросила на плечо кожаную сумку, вынула из шкафа пальто и спустилась вниз.

Ключи от входной двери лежали в холле на сундуке в латунной чашке, рядом с синей вазой с белыми гиацинтами. Над сундуком висело большое зеркало. Надевая пальто, Кэрри взглядела в свое отражение. Высокая, стройная темноволосая девушка... или, скорее, молодая женщина. Что ж, скоро ей стукнет тридцать. Каштановые волосы сияют чистотой, гладкая прядь птичьим крылом падает на лоб. Глаза, подчеркнутые тенями и тушью, кажутся огромными и темными, цвета кофейных зерен. Лицо, загоревшее под солнечными лучами, отраженными от сверкающих снежных полей, еще не потеряло красок. Так что все в порядке. Кэрри уверена в себе. К жалости не вызывает.

Она застегнула пуговицы на купленном год назад в Вене темно-сером шерстяном пальто, отделанном зеленым кантом. Андреас помогал ей выбрать его и настоял на том, чтобы оплатить покупку. «В нем ты будешь выглядеть на миллион долларов», – сказал он. День был очень холодный, с мелким снегом. Они пошли к «Саше» позавтракать. Ели что-то необыкновенное и...

Не думать об этом.

Кэрри взяла ключи, нажала кнопку охранной сигнализации и вышла из дома; она повернула на Патни-Хай-стрит и по людному тротуару направилась к набережной. На мосту было холодно, вдоль реки дул восточный ветер с моря. От моста рукой подать до Фарнем-корта – большого дома в вычурном эдвардианском стиле, где на пятом этаже помещается квартира Доди. Кэрри поднялась по ступеням, отворила тяжелые парадные двери, вошла в лифт, нажала кнопку. Лифт поплыл вверх, вздрогнул, остановился.

Кэрри открыла оглушительно лязгнувшую дверцу, пересекла холл и позвонила в дверь.

Доди уже ждала ее. Почти сразу щелкнул двойной замок и дверь распахнулась.

– Кэрри!

Она такая же, как всегда, не постарела, не похудела, не поправилась. Маленькая, изящная, с темными, аккуратно уложенными волосами, в которых сверкают белые пряди – естественно и на зависть элегантно. На ней костюм – жакет и коротенькая, по моде, юбочка, изящные туфли украшены квадратными золотыми пряжками. Еще вполне хорошенькая женщина, все при ней. Выдает ее только рот, форма которого на протяжении многих лет искажалась выражением постоянного недовольства. Все твердят, что глаза – зеркало души, но Кэрри давно поняла, что по-настоящему разоблачает человека рот.

Она вошла, и Доди тщательно заперла дверь. Ни рукоплесканий, ни распахнутых объятий – никакого выражения восторга.

– Привет, ма. Ну как ты? – спросила Кэрри, сбрасывая пальто. – Великолепно выглядишь.

– Спасибо, дорогая. Ты тоже хорошо выглядишь. Загорела. Будто только что с юга. Клади пальто на стул. Хочешь кофе или еще чего-нибудь?

– Нет, я только что позавтракала. – Они коснулись друг друга щеками. У Доди щека была нежная и благоухающая. – Раньше девяти я не встаю.

– Приятно утром поваляться. Проходи...

Доди провела дочь в гостиную. Тучи на холодном небе неожиданно расступились, и комната с большими, выходящими на юг окнами, балконом и видом на реку наполнилась ослепительным солнечным светом. Приятная комната. Рядом, за двустворчатыми, всегда раскрытыми дверьми, располагалась столовая. Кэрри увидела стол красного дерева, красивый буфет – часть ее детства, вещи из их дома в Кэмпден-Хилле. Везде множество цветов, воздух тяжелый, густо напоенный ароматом белых лилий.

– А где все остальные? – спросила Кэрри.

– Я тебе говорила. Люси у себя в комнате, а...

– Она не слишком общительна?

– Не слишком. Обожает свою комнату. У нее там письменный стол, компьютер, маленький телевизор.

В белом мраморном камине вспыхивал фальшивыми углями небольшой электрический нагреватель. Доди села напротив него в свое привычное кресло. Когда Кэрри позвонила в дверь, она читала газету и теперь холеной рукой с розовыми ногтями взяла ее, свернула и положила на кофейный столик.

Набежала туча, и солнечный свет погас.

– Хорошо, что ты так быстро пришла. Я хотела с тобой поговорить. Знаешь, разыгралась эта дурацкая драма...

– А где Никола?

– Она скоро придет.

Кэрри опустилась в кресло перед камином, по другую сторону коврика из белой овчины.

– Куда она ушла?

– В туристическое бюро.

– Собирается в путешествие?

– По-моему, она сошла с ума. Разве я тебе не рассказала? Она встретила одного типа. Он американец. Познакомились два-три месяца назад на какой-то вечеринке и с тех пор встречаются.

Звучит многообещающе, подумала Кэрри, похоже, что старшая сестра вовсе не сумасшедшая.

– И что он такое? – осторожно спросила Кэрри.

– Вполне приличный человек. Коммерсант. Занимается то ли железными дорогами, то ли сталью, то ли еще чем-то. Живет в Кливленде, штат Огайо. Зовут Рэндал Фишер. Сейчас он в Америке и пригласил туда на Рождество Николу.

– В Кливленд?

– Нет, у него загородный дом во Флориде, он там всегда проводит Рождество.

Пока все звучало настолько здраво, что Кэрри не могла понять, о какой драме шла речь.

– Он женат?

– Говорит, что разведен.

– Ты с ним знакома?

– Конечно. Раза два Никола заходила с ним сюда, и однажды он нас обоих приглашал пообедать в «Кларидж». Он там останавливался.

– В таком случае он, должно быть, при деньгах. – Кэрри нахмурилась. – Ма, тебе он не нравится?

– Ну что ты, по-моему, с ним все в порядке: лет пятидесяти, не слишком привлекателен.

– А Никола? Ей он нравится?

– Думаю, да.

– Тогда что тут страшного?

– Но она ведь ничего о нем не знает!

– Ма, ей тридцать пять лет. Она в состоянии сама о себе позаботиться и даже вправе наделать ошибок, если пожелает.

– Дело не в этом.

– А в чем? Объясни.

– Кэрри, как ты не понимаешь? Дело в Люси.

– Ты хочешь сказать, что Люси он не приглашает?

– Очень даже приглашает, но она отказывается. Говорит, что не хочет ехать во Флориду, что она там никого не знает, что ей нечего там делать и что на самом деле Рэндалу она не нужна. Он пригласил ее только потому, что так положено.

Кэрри преисполнилась сочувствием к племяннице.

– Я ее понимаю. Сколько ей лет? Четырнадцать. Наверное, она себя чувствует как рыба, выброшенная из воды. Думаю, не очень-то приятно видеть, как твою мать трясет любовная лихорадка.

Шея Доди чуть-чуть порозовела – верный признак того, что она смущена. Она ненавидела, когда ей возражали, вынуждая ее отстаивать свою точку зрения.

– Но девочке предоставляется редкая возможность! Посмотреть мир...

– А если она этого не хочет?

– Ну а здесь что она будет делать?

Так, подумала Кэрри, теперь мы подобрались к самой сути.

– Ты имеешь в виду на Рождество? Останется с тобой. В конце концов, теперь это ее дом. Куда же еще ей идти?

Доди ответила не сразу. Она поднялась, отошла к окну и стала глядеть на реку. Кэрри ждала. Наконец мать повернулась к ней.

– Я не могу остаться с ней. У меня своя жизнь. У меня свои планы... Я хочу поехать в Борнмут с Фриманами. Они каждый год туда ездят, останавливаются в отеле «Палас». И пригласили меня поехать с ними. – Ее тон ясно говорил, что в этом головокружительном плане Люси места нет. – Я теперь не так молода, как прежде. Прошло то время, когда мне приходилось заниматься детьми. И я не собираюсь менять свои планы ради упрямой девчонки.

Я в этом и не сомневалась, подумала Кэрри. Помолчав, она сказала:

– А что ее отец? Майлс? Не может ли она провести Рождество с ним и его новой женой? Или теперь они не видятся?

– Нет, конечно видятся. – Доди вернулась на свое место, села, подалась вперед. – Изредка она проводит с ними воскресенье, но без особого восторга.

– У них ведь нет детей?

– Нет. И сомневаюсь, что когда-нибудь будут. У его жены на уме одна карьера, – проговорила Доди, скривив губы. – Дети не вписываются в ее жизнь.

– Значит, они не возьмут Люси на Рождество?

– Я позвонила Майлсу и все ему рассказала. Мне пришлось это сделать, потому что Никола отказывается даже произносить его имя. Но Майлс с женой на Рождество собираются в Сен-Морис кататься на лыжах, причем в компании одни взрослые. Люси никогда не каталась на лыжах, кроме того, она диковата с незнакомыми людьми. Майлс сказал, что она им все испортит.

Кэрри стало отчаянно жаль ребенка, заброшенного черствыми, враждующими между собой родителями. Она сказала, стараясь, чтобы ее слова не прозвучали слишком холодно:

– В таком случае, по-моему, у тебя нет выхода.

– Никола решительно настроена ехать во Флориду. Ты ее знаешь, она та еще эгоистка. Я так много сделала для нее...

– Может, она просто хочет немного развлечься.

– Немного развлечься... – с горечью повторила Доди, придав словам почти непристойный оттенок.

Кэрри наблюдала за матерью. Ей вдруг показалось, что Доди не хочет встречаться с ней глазами. Смотрит вниз, теребит обшлага жакетика, поправляет золотую пуговицу.

– Теперь понимаешь, что я имела в виду, когда говорила, что твое возвращение из Австрии оказалось очень кстати.

– Ты хочешь, чтобы я избавила тебя от Люси.

Доди подняла взгляд:

– У тебя уже есть какие-то планы?

– Ма, я только что вернулась. У меня не было времени строить планы. У меня даже нет дома, я не могу вернуться на Рэнферли-роуд до конца февраля. Живу на чемоданах. Я не в состоянии никого принять.

– Об этом нет речи. Я просто подумала, может быть... – Доди замаялась, – твой отец...

– Джеффри?

– Для тебя он теперь Джеффри?

– Я стала называть его так после вашего развода. Он мой отец, конечно, но он также муж Серены и мой друг.

Доди едва заметно передернуло, но Кэрри не обратила на это внимания и жестко продолжила:

– Не думаю, что из этого что-нибудь получится.

– Но ведь он дедушка Люси. И конечно...

– Послушай, ма. Я разговаривала с Джеффри. Позвонила ему на следующий день после возвращения. Мы долго говорили, в том числе и о Рождестве. Дело в том, что к ним на праздники приезжают брат Серены с женой и ребенком. Эмбл будет забит до отказа, ни дюйма лишнего, куда уж тут еще двое.

– Ты могла бы попросить...

– Нет. Это нечестно по отношению к Серене. Она не сможет нас принять и будет мучиться из-за этого. Поэтому я не буду спрашивать.

– Ох! – Доди вздохнула и откинулась в кресле. Она была похожа на воздушный шар, из которого вышел воздух, – сморщенная, постаревшая. – Я так больше не могу. Все это выбивает меня из колеи. Никакой поддержки, ни от кого, даже от членов семьи!

– Но, ма...

Кэрри не закончила. Послышался звук ключа, поворачиваемого в замке, дверь открылась и снова закрылась.

– Это Никола, – сказала Доди, хотя могла бы и не говорить. Она подобралась, поправила волосы, оживилась.

Никола вошла в гостиную. Кэрри встала, повернулась к сестре.

– Привет, – сказала она.

– Кэрри! – Глаза у Николы округлились. – Какого черта ты здесь делаешь? Ты же была в Австрии.

– Была. А теперь вернулась.

Сестры смотрели друг на друга. Они никогда не были особенно дружны, никогда не делились секретами. Кэрри пришло в голову, что в пору зрелости Никола стала еще больше походить на мать: тот же рост, та же изящная фигура, густые темные волосы. Тот же маленький злой рот. Если поставить рядом, их легко можно принять за двойняшек.

Думая о Николе, Кэрри всегда представляла ее в каких-то тщательно продуманных одеяниях. Юбки и специально подобранные к ним свитеры. Туфли, подходящие к сумкам, шелковые шарфы точно под цвет губной помады. Словно кукла, вырезанная из картона, которую одевают в бумажные наряды с отгибающимися ушками: бумажное пляжное платье, пальто с

меховым воротником для зимних прогулок, кринолин и шляпа с полями и козырьком для маскарада. И сестра не обманула ее ожиданий – на ней был безупречного кроя брючный костюм и жакет из искусственного леопарда. Шоколадно-коричневая замшевая сумочка и точно такого же цвета замшевые сапоги.

Никола положила сумку на стул у стены и начала расстегивать меховой жакет.

– Ты вернулась навсегда? – спросила она.

– Не знаю. Посмотрим. – Кэрри подошла к сестре и поцеловала ее. Никола ответила ей небрежным поцелуем.

– Когда ты приехала?

– Примерно неделю назад. Была страшно занята, и только сегодня утром смогла позвонить маме.

– А я бы и звонить не стала, – заявила Никола и бросила на Доди холодный взгляд. – Наверное, мама уже рассказала тебе о нашей драме? Склоняла тебя на свою сторону.

Видимо, сейчас отношения у них – хуже некуда. Бедная Люси, подумала Кэрри, должно быть, ей чертовски нелегко общаться с этой парочкой.

Доди, кажется, была уязвлена.

– Никола, это несправедливо, – сказала она.

– Но готова поспорить, это правда. – Никола с размаху плюхнулась на диван. – Как бы то ни было, теперь уже поздно. Я заказала билет. Лечу восемнадцатого декабря. На две недели.

За этим вызывающим заявлением последовало многозначительное молчание. Доди отвернулась и уставилась на мерцающие электрические угли. Всем своим видом она демонстрировала неодобрение. Никола поймала взгляд Кэрри и состроила гримасу, будто они в заговоре против матери. Кэрри не ответила ей понимающим взглядом – сейчас и та и другая были ей противны.

Однако нельзя становиться с ними на одну доску. И Кэрри сказала как можно спокойнее:

– А как же Люси?

– Ее пригласили во Флориду, но она отказалась.

– Я ее понимаю.

– Еще бы.

– Ма предложила, чтобы на Рождество Люси взяла я.

– Ты? – с оскорбительным удивлением произнесла Никола. Потом минуту подумала и повторила: – Ты? – Теперь это местоимение прозвучало уже по-другому и совсем не оскорбительно. Блестящая идея, которая раньше не приходила ей в голову.

– Но я не могу.

– Почему?

– У меня нет дома.

– А Рэнферли-роуд?

– Сдан внаем.

Доди решила вмешаться в разговор.

– Я предложила Кэрри взять Люси и погостить с ней у вашего отца в Корнуолле. Но об этом тоже не может быть речи.

– Почему? – удивилась Никола.

– Там нет места.

– Проклятый Майлс со своей проклятой женой тоже не хотят взять Люси, эгоисты чертовы. Только и знают, что извиняться и оправдываться. – Никола прикусила ноготь на большом пальце. – Как бы то ни было, я лечу во Флориду, к Рэндалу, и никто мне не помешает. Я никогда не отдыхала, а теперь решила.

В известном смысле Кэрри ей сочувствовала, но, помня о Люси, постаралась урезонить:

– Никола, и все-таки...

Но закончить ей не дали.

– Хорошо тебе говорить. – Кэрри тысячи раз слышала эти причитания. – Хорошо тебе говорить. У тебя никогда не было семьи, ты не знаешь, что такое изо дня в день возиться с ребенком. Занятия в школе, каникулы. Развлекать, решать школьные проблемы. И все самой. У тебя не жизнь, а сплошной отдых, только и знаешь, что кататься на лыжах и весело проводить время. Отель в горах, приятное общество, вечеринки с глинтвейном. Тебе на все наплевать. Сколько лет мы тебя не видели!

С трудом сохраняя спокойствие, Кэрри проговорила:

– Никола, ты понятия не имеешь, чем я занималась. Я отвечала за связи с общественностью в престижной туристической компании. Каждое утро девять человек докладывали мне о состоянии дел. У меня был секретарь и собственная квартира. В разгар сезона я нередко работала по семь дней в неделю. Поэтому давай не будем об этом.

– И все же, – возразила Никола со свойственным ей ослиным упрямством, – это совсем не то, что растить ребенка.

Кэрри сдалась:

– Пусть так, ну и что?

Никола пропустила слова сестры мимо ушей.

– Ты незаменима, мама. Придется тебе забыть о Борнмуте.

Доди польстили, и весьма тонко.

– И не подумаю, – сказала она.

– Вряд ли ты сможешь оставить Люси одну.

– Почему именно я должна принести себя в жертву?

Кэрри вдруг поняла, что больше не в состоянии слушать бессмысленную перепалку матери и сестры. Каждая из них твердо стоит на своем, и никакими доводами их не проймешь.

– Хватит! – решительно сказала она.

Они удивленно смолкли. Потом Никола сказала:

– Ты хочешь предложить что-то дельное?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.